

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Марк Смирнов

ПОСЛЕДНИЙ СОЛОВЬЕВ*

Жизнь и творчество поэта и священника Сергея Соловьева

(1885–1942)

ОТ АВТОРА

«Книги имеют свою судьбу» – гласит латинское изречение. О судьбе героя этой книги – поэта и священника Сергея Соловьева – читатель узнает из дальнейшего повествования. О судьбе самой книги, точнее, о том, как и почему она была написана, мне хочется рассказать в настоящем предисловии.

В 1970-х годах, когда я учился в Ленинградской духовной академии, мне довелось познакомиться со своим однофамильцем, преподавателем английского языка – протоиереем Георгием Смирновым. Этот чрезвычайно обаятельный и образованный человек пришел в Церковь в 20–30-е годы прошлого века, уже имея к тому времени диплом филолога. В сан священника отец Георгий был рукоположен кем-то из епископов, находившихся в расколе с митрополитом Сергием (Страгородским), что послужило достаточным основанием для ареста отца Георгия и последующей ссылки его в город Малоярославец (Калужской области). Все это стало мне известно из долгих и интересных бесед с отцом Георгием в его доме во Всеволожске, под Ленинградом.

С чего началось наше знакомство? Как это обычно бывает, со случайности. Как-то в библиотеке академии меня попросили отвезти отцу Георгию книги – и я оказался в гостеприимном доме с прекрасной религиозно-философской библиотекой, которая состояла из дореволюционных изданий. Здесь я впервые взял в руки тома сочинений Владимира Соловьева, а увидев его портрет, был поражен пророческой внешностью философа.

Однажды, когда мы говорили о Вл. Соловьеве и многочисленной его родне, отец Георгий рассказал, как во время своей ссылки в Малоярославец был дружен с несколькими русскими католическими монахинями-доминиканками, тоже

---

*С первого выпуска журнала «Соловьевские исследования» за 2013 г. начинаем публикацию монографии Марка Смирнова, представляющую собой первое подробное жизнеописание Сергея Михайловича Соловьева, племянника философа Владимира Соловьева, близкого друга Андрея Белого и Александра Блока, поэта-символиста, «аргонавта», оставившего яркий след в истории русской культуры начала XX века, впоследствии — католического священника, ставшего в конце 1920-х годов руководителем московской общины русских католиков, арестованного в 1931 году и умершего в психиатрической больнице. Религиозные искания «последнего Соловьева», его духовный труд и гибель предстают как ценнейший документ истории России XX века. – *Ред.*

ссылными. По словам отца Георгия, они были последними членами общины русских католиков, окончательно разгромленной в 1931 году. Во главе общины стоял священник Сергей Соловьев, племянник философа, перешедший в католичество из православия, – в то время единственный в Москве русский католический священник восточного обряда, остававшийся на свободе.

Видя мой интерес к этой эпохе и людям, с ней связанным, отец Георгий, после некоторого колебания, сказал, что две из тех монахинь еще живы и их можно найти в Москве.

Так я познакомился с католической монахиней – сестрой Екатериной, в миру – Норой Николаевной Рубашовой. Нора Николаевна родилась в Минске 12 марта 1909 года, а крещение в Католической Церкви приняла в Москве в 1926 году, в апреле. Крестил ее отец Сергей Соловьев. В 1927 году она стала монахиней Доминиканского ордена, войдя в общину восточного обряда, основанную матерью Екатериной Абрикосовой¹. Дважды Н.Н. Рубашова побывала в заключении: с 1931 по 1936 и с 1949 по 1956 год. В первый арест она проходила и была осуждена по тому же делу, что и отец Сергей Соловьев; во второй раз – вместе с сестрами-доминиканками малоярославской общины.

В 60-е годы, после реабилитации, вернулась в Москву, работала в Исторической библиотеке. Комната коммунальной квартиры, где Нора Николаевна жила вместе с другой доминиканкой – сестрой Стефанией (в миру – Верой Львовной Городец)², была их монастырем.

Еще четыре доминиканки восточного обряда, чудом уцелевшие после стольких лет гонений, собрались в Вильнюсе. Там, на улице Дзуку, в крошечной двухкомнатной квартире, нелегально существовал католический монастырь, где бережно сохранялась память о русских католиках, в том числе – об отце Сергии Соловьеве.

Благодаря помощи Н.Н. Рубашовой и других бывших прихожан отца Сергия Соловьева, с которыми она меня познакомила, я смог начать собирать по крупицам сведения: документы, фотографии, воспоминания, – о жизни и деятельности Сергея Соловьева; из них и стало складываться его жизнеописание.

Нора Николаевна предоставила в мое распоряжение и собственные краткие – на двух машинописных страницах – воспоминания об отце Сергии, написанные по моей же просьбе³.

С оказией – воспользовавшись пребыванием в Ленинграде священника Общества Иисуса отца Михаила Арранца – я передал эти воспоминания и портрет Сергея Соловьева работы М.С. Родионова на Запад, где в то время готовилось издание книги Сергея Соловьева «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева». Книга вышла в свет в брюссельском издательстве «Жизнь с Богом» в 1977 году, в ней в качестве приложения были помещены и воспоминания Н.Н. Рубашовой под псевдонимом «сестра Мария». Этот псевдоним до самой смерти Норы Николаевны так и оставался нераскрытым⁴.

В той же книге издательство «Жизнь с Богом» опубликовало и «Материалы к биографии С.М. Соловьева». Эта работа была подготовлена священником Конгрегации ассумп-ционистов Антониом Венгером. В основу материалов легли сведения о С.М. Соловьеве, почерпнутые из писем епископа Пия-Эжена Неве,

бывшего с 1926 по 1936 год апостольским администратором в Москве. Эти письма посылались с дипломатической почтой в Рим епископу Мишелю д'Эрбиньи, который возглавлял ватиканскую комиссию «Pro Russia», и другим церковным иерархам. В письмах епископа Неве, отправлявшихся в Рим дважды в неделю, встречается довольно много упоминаний об отце Сергии Соловьеве.

Соловьев, в свою очередь, в своих стихах рисует образ Пия Неве – католического епископа, представлявшего в столице Советского Союза Святейший Престол и Ватикан:

Незыблемо, неколебимо,
Рукою <осенив>* престол,
Стоит апостольского Рима
Уполномоченный посол.
<...> И здесь в России, в царстве зверя,
Где опрокинут весь закон
И где кощунство и безверье
Воздвигли безобразный трон, –
Он, горстью окружен ничтожной
Людей, склоненных у креста,
Свидетельствует, что не ложно
Обетование Христа⁵.

Однако строить биографию Соловьева исключительно на письмах епископа Неве нельзя. Необходимо взглянуть на них критически. Неве жил в Москве в условиях тотальной слежки – ОГПУ особенно тщательно следило за иностранцами, – и сам по себе контакт с епископом, подданным Франции, был очень рискованным шагом. Общение епископа с советскими гражданами ограничивалось кругом прихожан французской католической церкви в Москве на улице Малая Лубянка, считавшейся посольской церковью. После ареста отца Сергия сведения о нем и его судьбе попадали к Неве из вторых, а то и из третьих рук. Не исключено, что ОГПУ могло сознательно дезинформировать епископа. К такого рода дезинформации можно отнести упоминающиеся в письмах Неве слухи о том, что во время обыска и ареста у отца Сергия Соловьева «нашли порнографические стихотворения и песенки фривольного содержания» и что «кроме того, у него собирались женщины и устраивались оргии»⁶. По словам Н. Рубашовой, в общине русских католиков был провокатор – некто Шатковский, который пользовался большим доверием Соловьева. Во время следствия отец Сергий узнал о роли Шатковского, что, несомненно, явилось для него сильнейшей психической травмой и одной из причин дальнейшего развития душевного заболевания⁷. С легкой руки ОГПУ, переводы античных поэтов можно было свободно выдать за фривольные стихи, а приходивших к Соловьеву домой на богослужения и религиозно-философские беседы членов общины – назвать участниками оргий.

---

* Слово восстановлено по догадке из-за повреждения рукописи.

Некоторые сообщения епископа о Сергее Соловьёве очевидно не соответствуют действительности⁸. Кроме того, в «Материалах к биографии» отсутствует ряд существенных для жизни священника сведений, таких как дата принятия священного сана, а также время присоединения к католицизму.

Стремление пролить больший свет на жизнь последнего русского католического священника восточного обряда в Москве послужило причиной моего решения написать биографию Сергея Соловьёва. Мне хотелось, чтобы эта биография дополнила портрет человека, которого наши современники знают очень мало – преимущественно как поэта-символиста, троюродного брата Александра Блока и друга Андрея Белого. Жизнь Соловьёва, начиная с 1913 года – после окончания университета и принятия священного сана, почти неизвестна. Что же касается присоединения к Католической Церкви и деятельности в качестве священника общины русских католиков восточного обряда в Москве, то эта сторона его жизни до сих пор вообще не была исследована, отчего и оказалось возможным, в частности, появление в литературоведческих кругах мифа о том, что Сергей Соловьёв был католическим епископом⁹.

Долгое время оставались в забвении и последние годы творчества Соловьёва: его работа как поэта-переводчика. Мне представляется необходимым коснуться также и обстоятельств его смерти, полных драматизма тех лет. Последний из рода Соловьёвых ценен для нас не только принадлежностью к известной семье, но и своим поэтическим и богословским наследием, своим осмыслением путей к единству Восточной и Западной Церквей, православия и католицизма.

Замыслом написания книги о Сергее Соловьёве я поделился с моим другом священником Александром Менем, который не только поддержал идею работы над книгой, но и оказал неоценимую помощь в поисках важных документов и людей, знавших Соловьёва или готовых содействовать розыску его рукописей в государственных архивах.

В 1979 году я смог найти дочерей Сергея Соловьёва – Наталью Сергеевну и Ольгу Сергеевну – хранительниц живой памяти о своем отце. Благодаря их участию в мои руки попали документы и фотоальбом семьи Соловьёвых, рукопись «Воспоминаний» и стихи Сергея Соловьёва; большая часть этих материалов до сих пор не издавалась.

Здесь следует сказать, что дочери Сергея Михайловича, получив в детстве религиозное воспитание и оставаясь верующими, были, однако, людьми совершенно нецерковными. Из деятельности отца достойным внимания они полагали, в основном, его поэтическое творчество. О богословских его трудах и публицистике, о служении в качестве священника и настоятеля общины русских католиков они почти ничего не могли сказать, и все это, похоже, их мало интересовало. Для них, как и для прочих, он оставался, прежде всего, одним из поэтов-символистов младшего поколения. Помню, как Ольга Сергеевна передала мне фотографию, на которой Сергей Соловьёв был запечатлен в священнической рясе с надетым поверх нее иерейским крестом – на снимке отчетливо просматривалась цепочка от креста, но вся нижняя часть снимка, вместе с крестом, была отрезана... Это было очень символичным для понимания того времени и поколения людей тех лет. Страх и воспоминания о годах репрессий заставляли людей

уничтожать многое, в том числе и самое для них дорогое, связанное с близкими, убивать в себе память о прошлом, скрывать свое происхождение.

Словно предчувствуя подобные страшные времена, Сергей Соловьев в 1918 году написал стихотворение, которое называется «Дочери». В нем есть такие строки:

Возникнет ли в года твоей весны
Перед тобой забытый образ мой?
И не отравит ли златые сны,
Как странный призрак, темный и чужой? <...>

<...>И что тебе расскажут про меня,
Как исказят любимые черты?
Но твой огонь – от моего огня,
И клевету уразумеешь ты,
И вспомнишь все, и смех исчезнет с уст,
И мир покажется уныл и пуст...

<.. .>И что-то ранит сердце глубоко,
И как откроешь книг моих листы,
И в них найдешь беспечно и легко
Отвергнутые близкими мечты,
Ты вдруг поймешь весь жар моей любви <...>¹⁰.

И Наталья Сергеевна в разговорах со мной особенно старалась подчеркнуть, что ее отец – прежде всего поэт, а его религиозные «увлечения» – это, в некотором роде, семейная «блажь», идущая от Владимира Соловьева. Возможно, что это было формой самомаскировки ввиду условий того времени, но определенная отстраненность от религиозного тут тоже присутствовала¹¹. Наталья Сергеевна очень неохотно «отдавала» в мои руки свои архивы, зная, что меня интересует Соловьев-священник. Она отвергала мысль о возможности издания книги об ее отце за границей, оставаясь и здесь «патриоткой» своей страны. На протяжении нескольких лет и с большим трудом мне приходилось буквально вытягивать из нее материалы к биографии «последнего Соловьева».

Помню, 2 марта 1979 года, в годовщину смерти С.М. Соловьева, мне удалось уговорить обеих его дочерей поехать на панихиду в церковь Новой Деревни, где служил отец Александр Мень. Только там, во время заупокойной молитвы и последовавшего затем чаепития, у них появилось чувство исполненного по отношению к отцу долга. Это была первая церковная панихида по Сергею Соловьеву после его смерти в 1942 году.

В конце 70-х годов, когда я начинал собирать материалы для книги, еще были живы люди, знавшие Сергея Соловьева в 20–30-е годы, с ними мне довелось встречаться. Среди тех, с кем мне удалось побеседовать, – Сергей Шервинский, Алексей Лосев, Софья Гиацинтова, Надежда Павлович, Анастасия Цветаева, Кирилл Пигарев, Константин Поливанов, Надежда Мандельштам.

К сожалению, помнили они немного и в основном воссоздавали в своих рассказах образ милого, доброго и талантливое человека – но не более того. Чаше их воспоминания касались малозначительных фактов его жизни – встреч на литературных чтениях, совместного отдыха в Крыму и т. п., что скорее составляло фон, чем было самой биографией. Исключением являлся лишь рассказ о Соловьёве Софьи Гиацинтовой, очень яркий и, на мой взгляд, правдивый, отражавший период их взаимной романтической влюбленности с трагической развязкой.

Работа над рукописью проходила в весьма непростых, почти конспиративных условиях. Биография репрессированного поэта и священника, возглавлявшего общину русских католиков в Москве, разгромленную в 30-е годы, по понятным причинам не могла стать темой книги, изданной в СССР. Оставался только один путь – опубликовать книгу за рубежом, что по тем временам уже было политическим преступлением. Поэтому материалы к книге приходилось все время прятать то у одних, то у других знакомых, хранить копии в разных местах. Однако и эти меры предосторожности не спасли положения: во время обыска в моем доме часть архивных материалов и воспоминаний о Сергее Соловьёве была изъята и в дальнейшем, несмотря на просьбы вернуть, пропала в ленинградской прокуратуре. Таким образом, многое из собранного оказалось утраченным навсегда, что-то удалось восстановить по памяти.

Естественно, что большинство из тех, кто делился со мной воспоминаниями о Сергее Соловьёве, боялись огласки и просили их в книге не упоминать. Но и тогда встречались смелые и бескомпромиссные люди – например, известный физик, академик Евгений Львович Фейнберг, который помог достать медицинское дело из архива Казанской психиатрической больницы и рассказал о последних днях Сергея Соловьёва, а также о погребении его на Арском кладбище в Казани. Помню, на мой вопрос, могу ли я в тексте книги упомянуть его как автора воспоминаний, Евгений Львович без обиняков ответил, что и не думает скрывать своего авторства. Указав на портрет академика Сахарова, стоявший у него за стеклом книжной полки, он сказал, что и дружбы с опальным академиком тоже не скрывает. От встречи с этим замечательным человеком у меня сохранились самые светлые воспоминания.

Перебирая в памяти тех, кто каким-то образом причастен к написанию этой книги, я снова вспоминаю отца Александра Меня. Однажды в его доме в поселке Семхоз, в кабинете, расположенном под самой крышей, мы обсуждали проект издания целой серии книг, посвященной русским католикам – начиная с Печерина и Лунина. «Сколько интересных судеб талантливейших русских людей можно было бы описать», – говорил отец Александр... Не знаю, удастся ли когда-нибудь осуществить этот замысел до конца, но книга о Сергее Соловьёве – часть того, что мы когда-то задумали.

Автор книги от души благодарит всех, кто даже в малейшей степени содействовал ее написанию и изданию. Они были движимы одним чувством – стремлением возродить в памяти потомков образ человека, несправедливо забытого. Подвиг веры, совершенный «последним Соловьёвым», теперь не останется неизвестным, не пропадет втуне.

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СЕМЬЯ

На протяжении двух веков, начиная с царствования Петра Великого, формировалась русская интеллигенция. Исходным материалом для нее послужили пестрые обрывки, выдерганные просвещенными правителями и правительницами из обветшавшей ткани русского общества. Живая – не книжная – память поколения Сергея Соловьева-младшего достигала лишь времен прапрадедов, то есть эпохи Екатерины II. В период ее блистательного царствования жили и крестьяне Соловьевы, пробившиеся в духовное сословие, и Ярославский архиепископ Авраамий (Шатров) (двоюродный дед историка Сергея Михайловича Соловьева), и многочисленные провинциальные дворяне: Романовы, Бржесские, Карелины, Коваленские. Особое место среди предков занимал первый в России и на Украине философ и мистик Григорий Сковорода (по семейному преданию, двоюродный дед Поликсены Владимировны Соловьевой, жены историка). Наиболее же заметным из прародителей в то время был Михаил Иванович Коваленский – для героя этой книги он олицетворял весь век Екатерины. В юности Коваленский подружился с Григорием Сковородой и до самой смерти оставался его преданным учеником. Он стал настоящим «екатерининским вельможей»: ездил вместе с графом Алексеем Разумовским за границу, учился в Страсбургском университете, дослужился до чина генерал-майора и до должности правителя рязанского наместничества. Последней его службой, уже при императоре Александре I, был пост куратора Московского университета. «Хотя Михаил Иванович был близок с Потёмкиным, вращался среди питомцев энциклопедии Дидро и даже ездил в Ферней к Вольтеру, настроение его, – писал Сергей Соловьев, – всецело определялось Сковородой и, быть может, масонами и Сведенборгом»¹. Коваленский – автор единственного жизнеописания Сковороды... Таковы прапрадеды.

Четверо прадедов Соловьева открывают нам эпоху императоров Александра I и Николая I. Протоиерей Михаил Васильевич Соловьев был священником при Московском коммерческом училище. Юность же Ильи Михайловича Коваленского, другого прадеда, оживлялась духом Эпикура и Парни. В рязанской глубинке это означало вольные стишки и небольшой крепостной гарем. Образумила его вовсе не мысль о предстоящей карьере, а неожиданная любовь к собственной крепостной, на которой он, по совету Рязанского архиепископа Феофилакta, женился, забросив поэзию, служение Аполлону и Венере и став тем, чем и был, вероятно, всегда – человеком простой церковной веры. Много лет он работал над хронологией библейской истории². Третий прадед – Владимир Павлович Романов – моряк, в 1820–1822 годах ходил в кругосветное плавание на корабле «Кутузов»; был заключен в крепости по делу декабристов; в 1828 году воевал с турками; вернулся из отставки, чтобы участвовать в Крымской войне, «где проявлял геройское мужество и был контужен осколком бомбы»³, в 1861 году произведен в адмиралы. (Назван в честь В.П. Романова, своего деда, и крестником его был Владимир Сергеевич Соловьев, чье жизнеописание, принадлежащее перу племянника философа, читатель сможет найти на страницах данной книги.) Наиболее известным, однако, стал четвертый прадед Сергея Соловьева Григорий Силыч Карелин (его увлекательнейшая биография описана в повести Констан-

тина Паустовского «Кара-Бугаз»). Ботаник и путешественник, испортивший себе карьеру эпиграммой на Аракчеева, в последние годы жизни он оставил семью и переселился на берега Каспийского моря.

Поколение дедов было уже интеллигенцией в чистом виде. Михаил Ильич Коваленский стал инженером, «знал не только европейские, но и восточные языки: арабский и персидский, сам составил грамматику неисследованного раньше кавказского диалекта, а кроме того, напечатал выдающийся для того времени труд по политической экономии»⁴. Бабка Сергея Соловьёва – Александра Григорьевна Коваленская (урожденная Карелина) – была известной в XIX веке детской писательницей, прозванной за свои сказки «русским Андерсеном». Сестра ее, Елизавета Григорьевна, вышла замуж за ботаника А. Н. Бекетова; некоторое время семьи Бекетовых и Коваленских жили вместе, и их дети вместе подрастали в подмосковном имении Дедово.

Другой дед, Сергей Михайлович Соловьёв, создал не превзойденную до сих пор по объему и глубине исследования «Историю России»; он умер рано, до рождения внука-тезки, но чтимая в семье (граничившая с культом) память о нем оживляла академический образ. Внук в своих «Воспоминаниях» именно так запечатлел внутрисемейное предание: «Родившись недоноском, из слабого, нервного и чувствительного ребенка он сам, усилием своей воли, сделал себя железным человеком и неустанным работником. Под ледяной корой, под гордой внешностью, при механически-размеренном строе жизни в нем таился огонь гнева и нежное поэтическое сердце»⁵. Его жена – вторая бабка героя книги – Поликсена Владимировна Соловьёва (урожденная Романова), «кроткая, любящая и самоотверженная женщина, таившая в себе много неразвившихся задатков», «поставила себе целью охранять покой своего мужа» и заботиться о детях⁶.

Ближайшая родня Сергея Соловьёва по отцовской линии была многочисленной, прежде всего благодаря детям – трем сыновьям и пяти дочерям – знаменитого историка. Родственными связями и легшими в основу всей их жизненной деятельности призваниями дети эти были накрепко спаяны с интеллектуальной элитой России. Вера Сергеевна Соловьёва вышла замуж за ученика отца, профессора русской истории Нила Александровича Попова. Сергей Соловьёв писал об этом человеке, отличавшемся «апостольским добродушием и юмором»: «Смотря на александрийскую статую бога реки Нила, по которому ползают дети, я всегда вспоминаю дядю Нила, образ которого едва теплится в моем воспоминании»⁷. Мария Сергеевна вышла замуж за сына сенатора – ученого, специалиста по византийской истории, будущего профессора Павла Владимировича Безобразова, который «был большим либералом, отчасти вольтерьянцем и ненавидел Византийскую культуру, которую изучал и знал, как никто другой в России»⁸, – такова характеристика, данная ему все тем же мемуаристом. Поликсена Сергеевна стала популярной поэтессой; Всеволод Сергеевич – еще более популярным романистом, по поводу его исторических романов отец – Сергей Михайлович Соловьёв – говорил шутя: «Я пишу историю, а мой сын ее искажает». И наконец, Владимир Сергеевич – создатель грандиозной философской системы, предтеча религиозно-философского ренессанса в России. К этой, достаточно замкнутой, среде принадлежали и родители будущих друзей Сергея Соловьёва.

Немногим меньше родственников было и со стороны семейства матери – Коваленских. Александра Михайловна вышла замуж за известного адвоката Александра Федоровича Марконета. Наталья Михайловна – за Евстафия Михайловича Дементьева, автора книги «Фабрика, что она дает населению и что у него берет»; она и сама написала монографию о Жанне д'Арк и несколько популяризаторских книг по русской истории. Виктор Михайлович Коваленский стал профессором механики.

За учеными степенями и степенями родства таился огромный и насыщенный мир, бесконечное разнообразие духовной жизни. Эта среда, по-европейски интеллектуальная, была по-европейски же либеральна, чем довольно резко отличалась от той части интеллигенции, которая основным признаком интеллигентности полагала революционность, а не научное или литературное творчество. Но и в этой академической среде имелось множество оттенков. Для семьи Бекетовых, например, в которой рос Блок, был характерен устоявшийся быт не слишком оскудевшего дворянства: с поместьем, традициями, спокойным, размеренным существованием, в меру сбалансированными симпатиями и антипатиями. О своей же родне Соловьев писал: «Талантливость одних здесь возмещается болезненностью и вырождением других. Нарушена какая-то норма. Дед Сергей Михайлович был богатырем, но, очевидно, человеку большого умственного труда нельзя безнаказанно плодиться и множиться. Я вижу, как от нашего семейного ствола грустно отпадают благоухавшие, но худосочные ветви»⁹. Предшествовавшее Сергею Соловьеву поколение, действительно, было отмечено печатью упадка, распада традиционного существования. Между братьями Соловьевыми – Всеволодом и Владимиром – с юности разгорелась вражда; позже и другие члены семьи (кроме матери и старшей сестры Веры) порвали отношения с Всеволодом, когда тот, разведясь с женой, вступил в брак с ее младшей сестрой. После того, как он в искаженном виде напечатал «Записи» С.М. Соловьева, навсегда прекратили общение с братом уже и Владимир и Михаил – самый мягкий из них троих. Их отношения во многом напоминают отношения братьев Карамазовых; не исключено, что сходство это – не случайно: ведь Достоевский был знаком с Соловьевыми. Неладно обстояли дела и в жизни родственников из семьи Коваленских. Воспоминания Сергея Соловьева открывают тягостную картину сумасшествия его тетки Александры Михайловны Марконет и дяди Виктора Михайловича Коваленского.

Михаил Сергеевич Соловьев не был прославлен сочинениями, как его старшие братья. Преподавание в гимназии стало для него лишь средством заработка – и средством ненавистным. Все его интересы, знакомства, общественная деятельность сосредоточивались вокруг культуры, литературы, религиозных проблем. Он перевел на русский язык «Учение двенадцати апостолов», «Апологию Сократа», готовил исследование о Ламенне, занимался библеистикой и проблемой воссоединения Церквей. Всю жизнь он оставался другом и единомышленником своего брата Владимира.

Ольга Михайловна Коваленская, будущая жена Михаила Сергеевича Соловьева, с юности выделялась в семье мистическими исканиями. Она с востор-

гом слушала лекции Владимира Соловьева, но несколько разочаровалась в великом идеалисте при личном знакомстве. «Пламенный аскет в обстановке гостиной показался ей слишком светским и остроумным»¹⁰. Ольга Михайловна была даровитой художницей и обучалась живописи у Поленова. «Нет почти ничего на свете, что не заключало бы в себе элементов для искусства, – писала она подруге о своем понимании живописи. – Нужно поймать жизнь, тайну жизни, открывающуюся только художественному творческому чувству. Если ты поймал жизнь, воспроизведешь ее, ты делаешься причастна божеству, в котором источник твоего творения. Трудиться, работать одной головой нельзя, это выйдет мертвая копия с натуры. Нужно жить этой натурой, уничтожиться в ней и забыть себя. Что бы я ни писала, какую-нибудь вазу или складку материи, – все это равно требует великого напряжения всего моего существа, чтобы видеть не то, что дается мне в моем субъективном восприятии, а объективную истину всего существующего»¹¹. После обучения живописи во Флоренции своими кумирами Коваленская избрала прерафаэлитов XIX века: «Они понимали жизнь так, как я ее понимаю, так же, может быть, односторонне и фанатично (в этом их все винят), но, по-моему, это одно правда, и этой правдой надо жить. Красота формы не есть цель для них; красота жизни для них исчезла в высшей, более чистой и вечной красоте»¹². Позднее Ольга Михайловна увлеклась Васнецовым, Нестеровым. Ее собственные картины ежегодно экспонировались на выставках и аукционах; писала она и иконы – тоже в стиле прерафаэлитов; а также иллюстрировала первое издание «Вечерних огней» Фета¹³, который посвятил ей стихи:

В безумце ты тоскующем признала
Пришедшего с родимых берегов,
И кисть твоя волшебством разгадала
Язык цветов и сердца тайный зов.

С будущим мужем Ольга Коваленская познакомилась, когда стала давать уроки живописи его сестре Поликсене. Он был шестнадцатилетним гимназистом, а Коваленской в это время уже исполнилось двадцать два года. Шесть лет прошло с начала их любви до свадьбы. Лишь 3 июня 1883 года, после окончания Михаилом Соловьевым Московского университета, они обвенчались. Из-за разницы в возрасте вся семья Соловьевых решительно противилась их браку, но когда тот состоялся, сопротивление быстро угасло. 27 октября 1885 года у купели новорожденного Сергея стояли его бабушка Поликсена Владимировна Соловьева и дядя Владимир Сергеевич Соловьев.

Дом Михаила Сергеевича и Ольги Михайловны Соловьевых стал своеобразным салоном творческой и академической интеллигенции Москвы; здесь бывали В.Я. Брюсов, П.В. Безобразов, Н.А. Попов, С.Н. Трубецкой, Г.А. Рачинский и, конечно, Вл.С. Соловьев.

В поэме «Первое свидание» Андрей Белый (которого «привел» в литературу Михаил Сергеевич Соловьев) блистательно запечатлел воспоминание об этом доме:

Михал Сергеич Соловьев,
Дверь отворивши мне без слов,
Худой и бледный, кроя пледом
Давно простуженную грудь,
Лучистым золотистым следом
Свечи указывал мне путь,
Качаясь мерною походкой,
Золотохохлой головой,
Золотохохлую бородкой, –
Прищурый, слабый, но живой.
Сутуловатый, малорослый
И бледноносый – подойдет,
И я почувствую, что – взрослый,
Что мне идет двадцатый год;
И вот, конфузясь и дичая,
За круглым ласковым столом
Хлебну крепчающего чая
С ароматическим душком;
Михал Сергеич повернется
Ко мне из кресла цвета «бискр»;
Стекло пенснэйное проснетя,
Переплеснетя блеском искр;
Развеяв веером вопросы,
Он чубуком из янтаря, –
Дымит струями папиросы,
Голубоглазит на меня;
И ароматом странной веры
Окурит каждый мой вопрос;
И мне навеяв атмосферы,
В дымки просовывает нос,
Переложив на ногу ногу,
Перетрясая пепел свой...
Он – длань, протянутая к Богу
Сквозь нежный ветер пурговой!
Бывало, сбрасывает повязь
С груди – переливной, родной:
Глаза – готическая прорезь;
Рассудок – розблеск искряной!
Он видит в жизни пустоглазой
Рои лелеемых эмблем,
Интересуясь новой фазой
Космологических проблем,
Переплетая теоремы
С ангелологией Фомы;
И – да: его за эти темы

Ужасно уважаем мы;
 Он книголюб: любитель фабул,
 Знаток, быть может, инкунабул,
 Слагатель неслучайных слов,
 Случайно не вещавших миру,
 Которым следовать готов
 Один Владимир Соловьёв...
 Я полюбил укромный кров –
 Гостеприимную квартиру...
 <...>О. М., жена его, – мой друг,
 Художница – (в глухую осень
 Я с ней ... Позвольте – да: лет восемь
 По вечерам делил досуг) –
 Молилась на Четьи-Минеи,
 Переводила де Виньи;
 Ее пленяли Пиренеи,
 Кармен, Барбье д'Оревиллы,
 Цветы и тюлевые шали –
 Все переписывалась с «Алей»,
 Которой сын писал стихи,
 Которого по воле рока
 Послал мне жизни бурелом;
 Так имя Александра Блока
 Произносилось за столом
 «Сережей», сыном их: он – мистик,
 Голубоглазый гимназистик:
 О Логосе мы спорим с ним,
 Не соглашаясь с Трубецким,
 Но соглашаясь с новым словом,
 Провозглашенным Соловьёвым...¹⁴

II. ДЕТСТВО, ГИМНАЗИЯ: 1885–1903

На первых восемнадцати годах жизни Сергея Соловьёва стоит остановиться уже потому, что именно этому периоду посвящена написанная им часть воспоминаний, целиком не опубликованных. Воспоминания эти чрезвычайно подробны и интересны, благодаря тому обстоятельству, что автор откровенно и последовательно описывает жизнь своей семьи и свою собственную, не отрекаясь от прошлого и не поэтизируя его, не стремясь создать из бывшего в реальности легенду...

Детство Соловьёва прошло в основном под влиянием отца, «ласкового, но строгого, а иногда страшного», к тому же умевшего говорить с ребенком на его языке. Запомнились уроки священной истории, которые давал Сергею отец с тех пор, как тому минуло четыре года: «Он приносил за чайный стол картинку, клал ее обратной стороною, рассказывал ветхозаветное или еван-

гельское событие и, возбуждая интерес, открывал картинку. Чудные то были картинки. Одежды там были ярко-алые и темно-синие, деревья зеленые и голубые, тела нежно-белые и шоколадные. <...> Помню радость, которую я испытывал, переходя от Ветхого Завета к Новому: все становилось нежней, воздушней, серебристей»¹. Умелое воспитание спасло мальчика от почти неизбежной избалованности:

«Сережа Соловьев» – ребенок,
Живой, смысленый ангеленок,
Над детской комнаткой своей
Восставший рано из пеленок, –
Роднёю Соловьевской всей
Он встречен был, как Моисей:
Две бабушки, четыре дяди

И, кажется, шестнадцать тетъ
Его выращивали пяди,
Но сохранил его Господь...²

Такой, почти идиллической, предстает картина этих детских лет Сергея Соловьева в строках А. Белого. Впрочем, как раз с соловьевскими родственниками отношения были чуть чопорнее, чем с семейством Коваленских. Исключение составлял «дядя Володя» – Владимир Сергеевич Соловьев.

Позднее Сергей Соловьев в своих «Воспоминаниях» напишет: «Но лучше всех, конечно, дядя Володя. Иногда он у нас обедает, и тогда за столом бывает красное вино и рыба с каперсами и оливками. Отстраняя руку моего отца, дядя Володя щедро льет в мой стакан запретную струю Вакха... Когда обедает дядя Володя, все законы отменяются, все позволено и всем весело. Обо всем, что меня интересует, что мне кажется непонятным, я спрашиваю дядю Володю, и он дает мне ясные и краткие ответы. Например, я спрашиваю: “Что такое герб?”

– А это, – отвечает дядя Володя, – когда русские грамоте не знали, то вместо того, чтобы писать свою фамилию, изображали какую-нибудь вещь: например, Лопатины рисовали на своем доме лопату.

Как ясно и просто. Я скорее бегу на кухню объяснить старой Марфе, что такое герб, и рассказать ей про Лопатиных, а из гостиной доносится раскатистый хохот дяди Володи. Я предлагаю ему загадку моего собственного сочинения: “Отгадай: доска с веревкой”. Дядя Володя серьезно задумывается. “Картина”; – в недоумении пожимает он плечами. – “Нет, – отвечаю я, – отдушник”. – “Ха-ха-ха”; – ржет и сотрясается дядя Володя»³.

Летом в усадьбе Дедово съезжались сразу четыре семьи: Соловьевых, Марконетов, двоих дядей Коваленских. Для Сергея Соловьева Дедово, купленное еще Ильей Михайловичем Коваленским, стало таким же ключом к России, как для Александра Блока – Шахматово. В самой усадьбе – старинная библиотека, портреты, фамильные реликвии. Кругом заросли запустевшего сада, пруд, аллеи, море цветов; дальше – лес. Рядом деревня Надовражино, где завязалась

первая детская дружба, пронесенная через всю жизнь, – с дочками уже покойного к тому времени местного священника, сестрами Любимовыми, особенно с младшей, Сашей, которую все почему-то называли «Зязя». (Письма Соловьева к ней сохранились и оказались весьма полезными в работе над этой биографией.) «Черноглазая, румяная, всегда резвая и насмешливая, она была обожаема детьми, – вспоминал он о Саше в дальнейшем. – <...> В ней не было ни сурового византизма Дуни, ни голубиной кротости Кати [старшие сестры Любимовы. – М. С.] <...> Все в мире для нее делилось на Божье и дьявольское. Божье – это было: береза, птица, кошки, собаки и вода во всех ее видах. Стихии огня она недолюбливала, чуя в ней ту стихию, которая создала враждебный ее Божескому миру дьявольский мир фабрик, железных дорог и театров... Самая пламенная мечта ее была – родиться в Галилее и ходить во след живому Спасителю. И родные рощи, и пруды Надовражного она превращала в Галилею и, ловя рыбу с шурином, священником Николаем Федоровичем, думала о том, как ученики Христа забрасывали невод в море... Уже тут был не Златоуст, не Византия, а в русской глуши – ..., гимны солнцу и стихиям, нищета, помощь страждущим животным, и надо всем – Иисус не в золотом венце и с державой, не со скорбным, изможденным и грозным лицом, но в простой белой одежде раввина, идущий с матерью по цветущим долинам Галилеи»⁴.

Каждый год деревни обходили монахи с чудотворной иконой преподобного Саввы Сторожевского. «Это посещение нас святым Саввой сильно поднимало мою набожность, – писал Сергей Соловьев. – Я начинал усерднее вычитывать утренние и вечерние молитвы, ... просил бабушку назначить мне какое-нибудь послушание, и она посылала меня полоть огород»⁵.

Кроме впечатлений Дедова, навсегда сохранились и воспоминания о поездках за границу, в Италию и Швейцарию. Эти путешествия (вместе с книгами родительской библиотеки) открывали совершенно особый, чужой, но манящий мир античности. В эллинизм мальчик влюбился сразу же, «с первого взгляда». Ему даже приходило в голову: «А что, если эти боги – Аполлон, Афродита, Артемида – и есть настоящие боги, а не Иегова, не Христос»⁶. Но мысль скользила прочь, а оставалось странное смешение церковных и мифологических образов. В одном итальянском отеле он пытался даже отслужить обедню, поминая все время «Геру – покровительницу брака», а вместо императора – почему-то «короля испанского»⁷.

Весьма сомнительным подспорьем юному благочестию стал подарок бабушки Коваленской – ящик церковной утвари, в том числе епитрахиль, орарь, свечи. Родителями было разрешено сыну «облачаться, кадить, справлять все службы, но решительно запрещено совершать таинства и служить обедню»⁸. Правда, Сережа позволял себе отдельные отклонения: «Я бродил со свернутой епитрахилью по поляне, улавливал где-нибудь Наську, спрашивал, почитает ли она отца и мать, быстро накрывал епитрахилью и отпускал ей грехи»⁹. «Но больше всего, – вспоминал Соловьев двадцать пять лет спустя, – я любил молиться в грозу. Когда подымался ветер, срывал и крутил дубовые листья, я стремительно бежал на проезжую дорогу, в пустое поле. Надо мной все чернело и клубилось, гром гремел, мерцала молния, пыль крутилась по дороге, а я, подымая руки в небо, шеп-

тал: “Иже херувимы”.. Первые капли дождя прогоняли меня в усадьбу, я проводил всю грозу на большом балконе, и каждому раскату грома, каждой молнии отвечал особым, предназначенным для того, молитвенным стихом»¹⁰.

Сделав богослужение – по-детски, конечно, – центром своей жизни, Сережа всячески старался быть ближе к священнослужителям и церковному алтарю, дорожил знакомством с сыном протоиерея своей приходской церкви – Колей Марковым, добился права прислуживать в храме. Там он скоро стал жертвой почему-то невзлюбившего его дьякона. «Брось, брось ходить в алтарь, где дьякон и дьячки пользуются тобой, чтобы сводить свои счеты»¹¹, – сказал ему отец в ответ на жалобы. Но отказаться «от главного интереса в жизни» было невозможно.

Обрядовое благочестие, напомним, прекрасно уживалось с благоговением перед античностью, увлеченным изучением латыни, с побоищами во дворе, которые казались воплощением «Илиады». К тому же, вслед за юным Александром Блоком, Соловьев издавал собственный детский журнал (а в блоковском «Вестнике» поместил свой рассказ). «Приступил я и к большому роману под названием «Бешеные страсти». Начинался он так: «Красавица полулежала на кушетке. Взошла горничная и доложила: “Барыня, Владимир Владимирович пришли”». На этом все кончалось, очевидно, за недостатком жизненного опыта»¹², – находим мы строки об этих наивных попытках творчества в позднейших воспоминаниях Соловьева. Как и у Блока, началось увлечение театром – детскими силами разыгрывались сцены из «Макбета» и «Капитанской дочки».

Кроме Коли, сына протоиерея В. С. Маркова, и сестер Любимовых, другом – первым по-настоящему близким и так же, как и Ал. Любимова, на всю жизнь – стал сын профессора Н. В. Бугаева, соседа по дому, жившего этажом выше Соловьевых. Борис Бугаев (как и Блок) был на пять лет старше Сережи и на какое-то время сделался подлинным кумиром мальчика. Позднее Бугаев (тогда уже Андрей Белый) вспоминал: «Маленького Сережу я видел в церкви; ему было тогда лишь девять лет; он поражал надменством, стоя на клиросе с дьячками и озирая прихожан. “Такой малыш, а кичится”; – так думалось мне. Бедный “Сережа”; неповинный в напраслине: впечатление – от необычного вида; светло-желтое пальто с пелериной, а бледное личико в шапке пышнейших светло-пепельных волос было ангело-видно; это что-то не детское: задумчивость нечеловеческих просто глаз, казавшихся огромными, сине-серыми, с синевой под ними ...; вид, отлетающий от земли; нет детскости, но и нет старообразия: грустно-задумчивая бездетность – она-то и показалась мне “чванством” ... Все это я выдумал, “небрежение” было рассеянностью от погружения в игру; играл в церковные службы, как я в индейцы, и подаренных ему деревянных солдат одевал в тряпичные орари... <...> Сережа Соловьев увиделся мне ломакой, играть не способным; и скоро я был удивлен, увидавши в окне, с каким восторгом слетает он в саночках с сугроба»¹³.

Знакомство с Борисом Бугаевым послужило поводом для первого сравнения родного дома с чужим, с квартирой профессора Бугаева. «Я смутно тогда сознавал, что наши отцы принадлежат к разному кругу, – вспоминал Соловьев. – <...> Николай Васильевич принадлежал к консерваторам и националистам; в на-

шей квартире ему казалось очень подозрительно, так как дух дяди Володи, известного либерала, западника и католика, в ней царствовал. Боря скоро стал поддавать под влияние моего отца, и это возбуждало глухой протест в Николае Васильевиче, питавшем панический страх перед всем, что пахло «романтизмом»¹⁴.

В 1897 году настало, наконец, и время поступать в гимназию, причем выбрана была не казенная, а частная гимназия, считавшаяся «рассадником классической и эстетической культуры в Москве. Директор ее, Лев Иванович Поливанов, был одним из замечательных людей той эпохи»¹⁵.

В гимназии ступени духовного роста быстро сменяли друг друга. Ушла в прошлое детская игра в церковь. «Но отхождение от церкви, – писал С. Соловьев, – не только не отдаляло меня от Евангелия, но, наоборот, я все более и более думал о том, как провести в жизнь учение Христа. <...> Закон Христа как либерализм и социализм, – таково было мое исповедание в первых классах гимназии. Тогда уже я додумался до того, что Бог есть “только положительная идея”. Я мечтал в будущем сделаться религиозным реформатором»¹⁶. Одновременно окрепло увлечение театром, который стал «тем, чем раньше была церковь»¹⁷. Однако, «ни либерализм, ни театр, ни общество товарищей не давали никакой пищи душе»¹⁸. Единственным другом оставался Борис Бугаев, учившийся в седьмом классе той же гимназии. Он посвящал Сергея в новейшие течения искусства. «Борис тогда увлекался Шопенгауэром и Ибсенем, – вспоминал С. Соловьев. – <...> Я старался восхищаться “северными богатырями”, но это выходило у меня не совсем искренно. Зато я, еще более, чем Боря, был влюблен в Нестерова, который был тогда смелым новатором и которого ругали почти все. <...> Весенние пейзажи Нестерова, распускающиеся ивы, липовые цветы, хилые березки, грустные, серые реки и монахини в белых платках – все это будило во мне какое-то сладко-нежное воспоминание, наполняло душу тихим, умиленным экстазом»¹⁹. Пришла первая любовь – к Маше Шепелевой*, внучке «самого» Поливанова, сделавшейся предметом восхищенного, полумистического обожания издали²⁰.

Духовное развитие вело к постепенному сближению с матерью. «Она с каким-то удивлением и почти со страхом открывала во мне себя самое», – вспоминал Соловьев потом²¹. Однако очень важным было и влияние отца. К примеру, во время поездки в Швейцарию летом 1900 года именно отец много гулял с Сережей, стараясь расширить круг его познаний, дать пищу для ума: «Никогда я не узнал моего отца так близко, как тогда. Утром, до завтрака, мы с ним прочитывали главу из Иоанна по-гречески, потом он работал над Платоном, а я с мамой читал Корнелия. Потом вдвоем с отцом мы отправлялись в горную экскурсию, а мама обыкновенно оставалась дома. Этих прогулок по горам я не забуду. Отец все время учил меня и самому главному, и самому земному – до устройства Английского парламента. Мы взбирались на самые вершины, где уже совершенно голо и холодно и только бродят одинокие козы. Мы пили чай в шале у румяной свежей старушки, переходили ледники, шли над пропастями, камни валялись изпод наших ног. Эту нашу жизнь прервала телеграмма о смертельной болезни

---

* В рукописи «Воспоминаний» Сергей Соловьев называет ее Машей Шевелевой.

дяди Володи»²². Возможно, общением с родителями, чтением Вл. Соловьева, Толстого, Достоевского обусловлен был поворот от кратковременного либерализма к идее Церкви, произошедший в мировоззрении Сергея. Далее Соловьев с жадностью изучал гимназический курс церковной истории; он начал читать славянофилов и считал, что «русская культура должна быть греко-византийской, а не западно-латинской»²³.

Между тем конец века для семейного клана Соловьевых и Коваленских, объединившегося вокруг Дедова, оказался временем ломки устоявшегося счастливого быта. Несчастья обрушивались на них одно за другим. Началось со смерти Александра Федоровича Марконета, чей неистощимый оптимизм скреплял общий очаг; его жена, родная сестра Ольги Михайловны Соловьевой, психически заболела. В Дедове случился пожар. Неприязнь Александры Григорьевны Коваленской к снохе, жене Николая, стремление отдалить ее от сына, может быть, косвенно послужила причиной семейной драмы – связи Николая с женой брата Виктора. Резко испортились отношения родителей Сергея с «бабушкой Коваленской»: они не одобряли ее ревности к невестке. «Старый дом сгорел, – писал Соловьев, – дядя Саша в могиле, тетя Саша помешана, и вся семья трещит. Весной будет выстроен новый дом, но прежнее Дедово умерло. Где эта большая дружная семья, которая шумела на балконе? <...> О, мало было смерти, мало было безумия. Ад высылает на нас самую ядовитую свою змею, и имя ей – прелюбодеяние. <...> Мой отец и здесь хочет быть Гераклом, хочет задушить змею, но уже его силы слабеют. И моя мать, видя, как родные, с их страстями и злом, приближают отца к могиле, не может простить им, становится яростной и несправедливой»²⁴. Умерла в Петербурге Наталья Михайловна Дементьева (урожденная Коваленская). Летом 1900 года умер Владимир Сергеевич Соловьев. И вот, 15 января 1903 года в результате тяжелой болезни умирает отец Сергея – Михаил Сергеевич Соловьев. Сразу после его смерти застрелилась Ольга Михайловна²⁵.

Состояние, в котором находился тогда Сергей, позднее он опишет в своих «Воспоминаниях»: «То, что любовь моих родителей стала достоянием толпы, что об их смерти пишут в газетах, что одни осуждают мою мать, другие восхищаются ее смертью, что улица и рынок вломились в наш дом, в виде кухарок, забегающих утром в переднюю, с корзинами, из которых торчат хвосты моркови, – посмотреть небывалое зрелище двух гробов, – все это было мне оскорбительно..., – с горечью вспоминал Соловьев. – Всеобщее сострадание и сочувствие заставляли меня быть жестоким и холодным, даже слишком много острить и говорить о философских предметах. Видя это, некоторые думали, что я схожу с ума»²⁶.

Это был конец детства.

III. АРГОНАВТЫ

Начиная с последних классов гимназии Соловьев участвует в философских и поэтических исканиях молодого поколения русской интеллигенции. Повторим еще раз: речь идет о той – меньшей – части интеллигенции, которая задачу свою

видела не в политической борьбе и была далека от революционных партий и кружков, но искала прежде всего духовного, а не социального обновления.

Вначале было общение друзей, потом – течения, объединения, манифесты. Ядром будущего «аргонавтизма» (термин, которым и сегодня пользуются литературоведы для обозначения одного из направлений символизма) стала дружба Сергея Соловьева и Андрея Белого; постепенно примыкали к ним их ровесники, все – студенты Московского университета: Лев Кобылинский (более известный под псевдонимом «Эллис»), его брат Сергей Кобылинский, химик А.С. Петровский, В.В. Владимиров, П.Н. Батюшков и другие¹. Стоит напомнить, что Соловьев был на несколько лет моложе их всех и только поступил в университет, когда, например, Белый университет заканчивал. Дружескими симпатиями примирялись взгляды довольно разнородные, но определенная, самая общая, основа существовала – она-то и позволяет говорить о некоем течении. «Каждый думал, что он один пробирается в темноте, без надежды, с чувством гибели, оказалось – и другие совершали тот же путь»², – писал Андрей Белый. «Лишь лозунг, что будущее какое-то будет, соединял нас в то время»³. В 1903 году у друзей появилось постоянное место встреч – на квартирах Владимирова и Белого; это были именно встречи – не «семинары», а беседы с друзьями, такие же, как разговоры «в университетском коридоре, под открытым небом: в Кремле, на Арбате, в Новодевичьем монастыре или на лавочке Пречистенского бульвара»⁴. В пределах общих границ «юношеских устремлений к заре, в чем бы она ни проявлялась» (А. Белый)⁵, умонастроения друзей оказывались крайне пестрыми и неопределенными. «На собраниях кружка, – пишет исследователь “аргонавтизма” А.В. Лавров, – встречались переводчик “Света на Пути” и “Бхагавадгиты”, теософ, предлагавший “винегрет из буддизма и браманизма” (П.Н. Батюшков), – и поклонник Гл. Успенского и Златовратского, выходец из крестьян, который “сфантазировал по-своему новую крестьянскую общину” (Н.М. Малафеев); бодлерианец и ницшеанец, увлекавшийся экономическими теориями (Эллис), – и искатель истины в православии, преклонявшийся перед Серафимом Саровским (А.С. Петровский)»⁶. Наиболее расплывчатыми и сумбурными были, наверное, мысли самого младшего – Сергея Соловьева.

Несомненным лидером кружка стал Андрей Белый; он и был творцом некоего «мифа» – полупризнанного символа и манифеста. Туманность созданного образа соответствовала неясности общих устремлений: «Теперь в заливе Ожидания стоит флотилия солнечных броненосцев. Аргонавты ринутся к солнцу. Нужны были всякие отчаяния, чтобы разбить их маленькие кумиры, но зато отчаяние обратило их к Солнцу. Они запросились к нему. Они измыслили немислимое. Они подстергли златотканые солнечные лучи, протянувшиеся к ним сквозь миллионный хаос пустоты, – все призывы; они нарезали листы золотой ткани, употребив ее на обшивку своих крылатых желаний. <...> Сияющие латники ходят теперь среди людей, возбуждая то насмешки, то страх, то благоговение»⁷.

Общим для «аргонавтов» явилось не только предчувствие зари, ощущение грядущих эпохальных перемен. Друзья сочиняли стихи, обсуждали философские трактаты, погружались в бурные литературные дискуссии, но при этом жаждали не создания шедевров, не славы, а реального преображения мира, изменения са-

мой структуры материального бытия, и верили, что стихи и философия могут оказаться действенной преобразующей силой. Эта жажда духовного и реального преобразования личности и пересоздания мира согласно рожденной сознанием идее совершенного роднила «сияющих латников» с Ницше и Вл. Соловьевым, с начинавшими свой путь Н. Бердяевым, С. Булгаковым, с поэтами-символистами старшего поколения К. Бальмонтом и В. Брюсовым, с ратовавшими за создание «нового религиозного сознания» Д. Мережковским и З. Гиппиус (хотя на практике расхождения с этими людьми часто оказывались сильнее сходства).

Реальное, и именно религиозное, преобразование мира – основная идея русского философского и литературного ренессанса начала века. У юношей-аргонавтов, еще не испивших из «горькой чаши бытия», потребность в таком преобразении проявлялась не только в литературном творчестве, но и в переиначивании своей жизни под строй мифа. Они надевали на себя карнавальные маски – правда, маски словесные (до желтой кофты Маяковского было еще далеко) – и при этом хоть немного, но верили, что это действие может стать залогом осуществления *нового*. И вокруг себя аргонавты пытались разглядеть реальные признаки преобразования. «Были недавно ужасы, явление грозящего в молнии, который потребовал от меня под угрозой немедленной гибели подтверждение моей готовности к борьбе. Я дал подтверждение. И на время *они* отступили от меня», – писал Белому Соловьев⁸. В феврале 1901 года, когда на небе вспыхнула новая звезда, скоро погасшая, в газетах было напечатано сенсационное утверждение, будто эта звезда знаменовала рождение Христа. «Сереза прибегает ко мне возбужденный, – записывал Белый, – со словами: “Уже началось”»⁹. В закатах и восходах «аргонавты» распознавали знамения грядущих перемен. В смерти родителей Соловьева Белый увидел, прежде всего, дуновение вечности и приближение эсхатологических сроков, сама смерть была для него уплыванием к «аргонавтическому солнцу»¹⁰. «Приблизилось небо. Я радовался над могилой Соловьевых, – писал он и добавлял о Сергее Соловьеве. – Он принял свое несчастье героически – иначе быть не могло. Еще в день смерти своих родителей он говорил мне, что ко всему приготовлен (казалось, он уже знал, что и мать не будет жива, – он все знал). Он готовился к ужасу, зачитываясь “Чтением о богочеловечестве” [Вл. Соловьева. – М. С.]. Говорил: “Во мне поднялась волна мессианских чувств, и она вынесет меня”»¹¹.

Но все же главным средством преобразования стала для юношей литература – отсюда обращение их к символистской поэзии. По выражению Бердяева, «символ – мост между двумя мирами». Такие поэты, как Белый и Блок, попытались сами пройти по этому мосту и провести за собою весь мир, уничтожив границу между «видимым очами» и «невидимым». Для поэтов-символистов старшего поколения, прежде всего Бальмонта и Брюсова, символ был лишь средством самовыражения, орудием стиха. В представлении символистов молодых поэзия целиком подчинялась теургическому житнетворчеству, духовному преобразению человека.

Имя Блока всплывает не случайно: не принадлежа к числу «аргонавтов» уже потому, что не жил в Москве, он по духу своему и в своей поэзии стал лучшим выразителем их устремлений. Дружба Сергея Соловьева с Александром Блоком, его троюродным братом, зародилась еще в 1896 году, когда Соловьевы приезжали

в Шахматово¹². Через несколько лет общение во время случайных встреч переросло в единомыслие и духовное родство. Рукописи стихов Блока с восторгом принимались в семье Соловьёвых. Блок же, в свою очередь, охотно предоставлял Сергею Соловьёву – и ему одному – страницы своей белой поэтической тетради с тем, чтобы тот мог вписывать в нее стихи собственного сочинения. Через Соловьёвых с Блоком, сперва по переписке, познакомился Андрей Белый – и с восторгом принял нового собрата по духу. Апогея дружеской близости этот «тройственный союз» достиг во время приезда Блока с женой в Москву в январе 1904 года. «В течение нескольких недель, – вспоминал уже после смерти Блока Соловьёв, – почти каждый вечер мы собирались в пустой квартире Марконет и просиживали с Блоком до глубокой ночи... Днём я водил Блоков по Кремлевским соборам, мы ездили в Новодевичий монастырь. Мы бродили между могил... в морозный, голубой январский день. Маковки собора горели как жар. Весь собор был большой, полукруги икон под куполом из ясной бирюзы с золотом. Мы долго смотрели на эти иконы. Визжал дикий ветер января, крутя снежинки»¹³. Менее скованно описал эти дни Белый: «С Блоками стало проще, теплее: Сережа ...ликвидировал официальности, перелетая по темам, кидаясь словами, руками, предметами; то темпераментно вскакивал, вздернувши брови, сутулые плечи, качался над чайным столом, руку ставя углом; тыкал в воздух двуперстием; и с тарарахами падал; и – перетопатывал, весь исходя громким хохотом; в нем было что-то пленительное: еще мальчик, а – муж в бурях жизни: без всякой опоры; рой родственников – только куль тяготевший, – на детских плечах ...»¹⁴.

Кружок «аргонавтов» подчас был не прочь эпатировать окружающую чинную среду – каламбуром, бредом, мистикой. Возможно, шокирующим более всего представало стремление найти воплощение «вечной женственности» в реальном лице. Сергей Соловьёв увидел его в невесте, а потом жене Блока – Любове Дмитриевне Менделеевой; отчасти серьезно, но больше – с самоиронией и юродством. О свадьбе Блока Соловьёв сообщал Белому: «Дело близилось к реальному откровению»¹⁵. В день свадьбы он записал в беловую тетрадь стихотворений Блока:

Раскрылась Вечности страница.
Змея бессильно умерла.
И видел я, как голубица
Взвилась во сретенье орла¹⁶.

Он видел ту же Прекрасную Даму и в своей гимназической любви – Маше Шепелевой. А Белый воплощение Софии нашел в Маргарите Кирилловне Морозовой.

Среди «аргонавтов» Соловьёв Сергей был, прежде всего, проводником философии Владимира Соловьёва, в воззрениях которого членов кружка привлекало, в основном, учение о первенстве знания интуитивного, мистического, перед логическим; вызывали восторг эсхатологические предчувствия стихотворений Вл. Соловьёва и его «Повести об антихристе» из «Трех разговоров». Блок писал:

И нам недолго любоваться
На эти, здешние, пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут дальние миры¹⁷.

Весьма своеобразно преломлялось у «аргонавтов» учение Вл. Соловьева о вечной женственности как об одной из сторон божества – Софии–Премудрости Божией. «Меня посещали, – писал Белый, – благие откровения и экстазы; в этот год осознал я вполне веяние Невидимой Подруги, Софии Премудрости»¹⁸. У Блока образ Софии, колорит поэзии Вл. Соловьева (лазурь, свет, белизна лилий) пронизывают весь цикл стихов о Прекрасной Даме:

Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни – строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина¹⁹.

Ясно звучат эти же мотивы в стихотворении Сергея Соловьева, написанном к свадьбе Блока:

Грех бессилен. Смерть мертва.
Светит пламя божества.
Вечный знак соединенья –
Золотые блещут звенья,
Два священные кольца,
Два небесные венца.
В круге действия земного
Неподвижная основа
Откровением легла:
Вечность светоч свой зажгла,
И звезда Иммануила
Двум избранным засветила –
Все замкнулось золотой
Неуклонною чертой <...>²⁰.

Впрочем, поиски Софии в земном облике были наполовину – и даже более – игрой молодости; стоило, скажем, появиться в Москве А.Н. Шмидт, провинциальной журналистке, знавшей Вл. Соловьева и имевшей переписку с ним, которая всерьез утверждала, что именно она является воплощением Софии, – и Сергей Соловьев решительно прекращает подобную игру, увидев, как иного человека такие искания могут привести на грань помешательства.

Личность и творчество Сергея Соловьева, как и других членов кружка, определялись аргонавтизмом лишь отчасти, и никого из них нельзя безусловно отнести к этому течению или к кругу символистов. Правда, начал Сергей Соловьев со стихов, которые, по его собственным словам, «все были списаны со стихов дяди

Володи»: «Я тщетно старался чередовать какие-то неуловимые для слова оттенки цветов. Целая тетрадь была исписана “серебряными грезами” и “седыми туманами”; и всего более “бледными снами”. Все было трафаретно и безобразно»²¹. Первым по-настоящему своим он считал стихотворение, вызванное «действительным влиянием природы», пусть в нем сильно сказывалось еще и влияние Пушкина:

Корою льда подернул воды
Октябрьский молодой мороз;
Но чисты, ясны неба своды,
Стволы серебряных берез
На них задумчиво белеют.
Все так спокойно и светло,
Что сердце больше не жалеет
О том, что счастье прошло.
И, полнясь тихою печалью,
Душа забыла жизни гнет,
Сроднившись с голубою далью,
С молчанием застывших вод²².

Соединявшие «аргонавтов» устремления были настолько абстрактными, что будущую разобщенность членов кружка можно, пожалуй, считать предопределенной. Лишь на первых порах преодолевалась она юношеской дружбой. «Трагедия “аргонавтизма”»: не сели конкретно мы вместе на “Арго”; – писал А. Белый, – лишь побывали в той гавани, из которой возможно отплытие; каждый нашел свой корабль, субъективно им названный “Арго”»²³. Свои отношения с Сергеем Соловьёвым Белый, например, формулировал так: «Многое из того, что теоретизировал я, было пережито с Сережей, который иначе оформил общие нам факты сознания; ему были чужды: Кант, естествознание, теория символизма; я же игнорировал теократию, философию обоих князей Трубецких и иные из теорий Владимира Соловьёва»²⁴.

От Белого и Блока Сергея Соловьёва отличала прежде всего убежденность в Христе и в Церкви Христа как средоточии Истины. Только Белому решался Блок признаваться тогда: «Еще (или уже, или никогда) не чувствую Христа. Чувствую *Ее*, Христа иногда только понимаю»²⁵. Примерно в то же время Соловьёв писал Блоку, не зная о его внутреннем настрое: «С меня спадает тяжелая пелена болезненного мистицизма и всяких сомнений. В религиозном отношении для меня очевидно одно: истина – только в христианском учении, понимаемом так, как понимает его церковь. Следовательно: вся истина – в символе веры, к которому мы не смеем ни прибавить слова, ни отбавить слова... Разум должен сам себя обуздать и уступить вере, которая с ним примириться не может»²⁶.

Вместе с тем, например, от А. С. Петровского Соловьёва отделяло неприятие «исторического» православия. «Вполне принять православие П.<етровского> я не мог, – вспоминал Сергей Соловьёв, – у меня уже было тогда сильное влечение к Западу и латинству и романтизму, на который Алексей Сергеевич мог отвечать только сарказмами. Но книги, которые давал мне читать Петровский, производи-

ли на меня большое впечатление: он приносил мне Леонтьева... Я начал почитать и большие зеленые тома Самарина и часто останавливался на мысли: нельзя ли принять целиком славянофильское учение. Уж очень казалось радостно и уютно осознавать свой родной народ богоносцем и единственным носителем церковной правды. Но Соловьев и Чаадаев влекли мои мысли в другую сторону»²⁷. В связи с предложением Петровского поехать в Саров к открытию мощей преподобного Серафима в 1904 году (причем и с этим событием «аргонавты» связывали туманные мистические, эсхатологические ожидания) он писал:

Зачем зовешь к покинутым местам,
Где человек постом и тленьем дышит?
Не знаю я: быть может, правда там,
Но правды той душа моя не ищет.

Беги, кому святыня дорога,
Беги, в ком не иссяк родник духовный:
Давно рукой незримого врага
Отравлен плод смоковницы церковной»²⁸.

Из Киева, куда Соловьев отправился после смерти родителей, он написал Г.А. Рачинскому: «Лавра произвела на меня довольно гнетущее впечатление, и я вспомнил слова дяди Володи: “Я был на Валааме, видел образец истинного монашества, и плюнул”. В здешних святынях я не нашел моему религиозному настроению никакого ответа»²⁹.

Неудивительно, что кружок распался, не просуществовав и трех лет. Глубинной причиной тому была именно бесплодность поисков возможности реального преображения в одном именовании его, потребность в большей определенности воззрений и устремлений. Спортсмены, сразу после старта бегущие кучкой, затем растягиваются, рассыпаются, отрываются один от другого; так и вместе отплывшие за руном аргонавты, двигаясь вперед, постепенно взяли каждый свой курс. Оказалась уже недостаточной прежняя связь, новая еще не окрепла, и единство умонастроений и интимных переживаний постепенно уступало место общности формальной. Внешне только теперь кружок и оформился – как частные собрания на «средах» у Павла Ивановича Астрова, юриста, интересовавшегося религиозными вопросами. Встречи эти продолжались в течение нескольких лет, на них присутствовали и выступали подчас совершенно посторонние, хотя и знаменитые люди: Вяч. Иванов, Бердяев и др. Осенью 1905 и в 1906 году вышло два литературно-философских сборника «Свободная совесть», куда, кроме сочинений «аргонавтов» (Соловьева, Белого, Элліса), Астров включил и абсолютно случайные псевдо-литературные опусы. После этого «астровские среды» – последняя гавань аргонавтов – прекратили существование³⁰.

Для Соловьева более чувствительным, чем распад кружка, в котором его близкими друзьями были лишь Белый и Петровский, стал разрыв с Блоком. На протяжении многих лет Сергей Соловьев упрекал друга за то, что в его стихах сквозят иногда чуждые светлой мистике Владимира Соловьева мотивы. Еще в

октябре 1903 года, обращаясь к Блоку, Сергей Соловьёв писал: «И мне, и Бугаеву кажется, что в твоей поэзии заметен некоторый поворот, за самое последнее время. Я бы мог назвать этот поворот “отрешением от прерафаэлитизма”»³¹. Резко отрицательно воспринял Соловьёв стихи Блока 1904–1905 годов, в которых, по его словам, «вместо „Хранительницы Девы”, “Царевны Златокудрой», Беатриче» музой поэта стала «”Незнакомка”, “Снежная маска”, “Цыганка”. Вместо “придела Иоанна” появился “Балаганчик”»³². «Мы разошлись с Блоком прежде всего во взгляде на поэзию, – писал Соловьёв много позднее. – Блок отстаивал стихийную свободу лирики. Я всегда стоял на той точке зрения, что высшие достижения поэзии необходимо моральны»³³. Четверть века спустя спор об этике в поэзии – и именно на примере Блока – был продолжен в журнале «Путь» Н.А. Бердяевым и П.А. Флоренским³⁴, но и на этом высочайшем философском уровне спор остался неразрешенным. Самое парадоксальное, что к 1905 году и сам Соловьёв уже отходил от юношеской наивности и прекраснотушия, уже стоял на грани погружения в борьбу света и тьмы, – но проявление в стихах Блока темных линий принял в штыки. Может быть, причиной тому был именно страх увидеть в творчестве Блока новый этап своего собственного пути? По словам Белого, «Сережа стал уже в позицию или признать философию дяди, или отвергнуть (через год на года от нее отвернулся), а в 1905 г. он отмежевался от Блока, что значило в этот период для этого прямолинейного юноши: быстро прервать отношения с источником неразберихи: с кузеном»³⁵.

В июле 1905 года Соловьёв и Белый в очередной раз приехали к Блокам в Шахматово. С первых же часов нависла тень ссоры. Блок тщательно избегал прямого объяснения, Соловьёв рвался спросить по-казацки: «Какое веруеши?». Белый, сохраняя нейтралитет, все фиксировал в памяти: «За тяготящим чайным столом происходило мучительное перерождение двух друзей в двух врагов... Оставаясь с Сережей вдвоем в прошлогодней нам отведенной комнате наверху, мы обсуждали нелепость нашего приглашения сюда: по приглашению Блока же; Сережа вспыхивал:

– Если у него его дама – порождение похоти, желаю ему от нее ребенка; тогда не пиши ее с большой буквы; не подмигивай на “Софию-Премудрость”; такой подвиг – хихик идиота; психотерапию я ненавижу!»³⁶.

Последней каплей стал незначительнейший инцидент. Соловьёв заблудился на вечерней прогулке, вышел к Боблову – имению тестя Блока Д.И. Менделеева, заночевал там. Когда он вернулся к вечеру следующего дня, Александра Андреевна, мать Блока, не любившая Менделеевых, усмотрела в этом визите в Боблово некий вызов и говорила с Соловьёвым резко. Блок отмалчивался, упорно молчал и Соловьёв, когда его в двадцатый раз вопрошали, как он не понимает, что беспокоились за него – уж не покончил ли он с собой. Но вернемся к рассказу Белого:

«С. М. – “Я более не могу: я уеду”

Блок – “Тебя понимаю”

С. М. – “А ты?”

Блок – “Ну, уж нет (он со смыслом усмехнулся) – я остаюсь”»³⁷.

Потом Соловьев объяснил Белому казус с Бобловом, и тот объяснение это записал: «Все эти дни много думал о Блоке он над словарями, затая от меня процесс своей мысли; для него провалился “кузен”, точно в топь, в галиматейные образы “Нечаянной радости”, которые силился увить розами он; гниловата ли мистика Вл. Соловьева, коли из нее вырастает подобное, – вот вопрос, поставленный Сережей.

– Я шагал по лесам, разобраться во всем этом; вдруг, как звезда, осенило меня: есть, есть путь; веру в жизнь я почувствовал; тут вижу: заря впереди; я сказал себе: “Ты иди все вперед, все вперед, не оглядываясь и не возвращаясь; путь выведет”; я очнулся от мыслей; я понял, что я запутался, и оказался под Бобловом»³⁸.

Разрыв с Блоком должен был стать для Сергея Соловьева утверждением лазурно-сияющего идеала юности, но стал разрывом и с этим идеалом.

IV. УНИВЕРСИТЕТ: 1904–1909

Расставание с «аргонавтизмом» означало для Соловьева начало настоящей юности – дерзкой, вольной, недолгой игры на грани миров, на краю пропасти. И расставание не было моментальным – шел долгий, сложный процесс. Семь лет – с девятнадцати до двадцати шести – Соловьев провел, по-видимому, весьма активно и плодотворно. Но биографу рассказывать об этих годах трудно – и не только из-за недостатка сведений (оставленные Соловьевым воспоминания доведены лишь до 1903 года); трудно еще и потому, что годы эти достаточно насыщены событиями, но события не слагаются в целенаправленный путь, а образуют череду тупиков, остаются лишь поисками дороги.

Внешне в тот период мировоззрение Соловьева не претерпевало изменений: он как будто оставался в прежнем, сравнительно малом кругу интеллигентов, объединявших творчество с христианской верой. Вместе с Г.А. Рачинским Сергей Соловьев готовит к печати один за другим тома «Собрания сочинений» Владимира Соловьева¹. В литературной полемике он выступает с декларативно-христианскими заявлениями. Но именно эти семь лет жизни впоследствии будут названы им бегством из «Дома Отчего». Эпиграфом к данной главе могли бы стать его стихи:

Прости, Господь, земные грезы
И жар плененного стиха,
Прости, что одевал я в розы
Кумиры плоти и греха².

Эти годы были заполнены занятиями в Московском университете. В 1904 году Соловьев поступил на словесное отделение историко-филологического факультета; весь второй семестр пропал, так как университет закрылся из-за революционных событий. С осени 1907 года он перешел на классическое отделение, чтобы вплотную заняться любимой античной литературой³. Учителем и огромным авторитетом стал для него профессор А.А. Грушко. Кандидатское сочинение – «Комментарии к идиллиям Феокрита» – было защищено Соловьевым только в 1911 году⁴.

Определяющую, быть может, роль для него как для личности играло в те годы само пребывание в среде московской интеллигенции, плоть от плоти которой он был. Он рвал одни знакомства и заводил другие; ссорился с родственниками, причем «со всеми»; увлекался Айседорой Дункан⁵, а потом – экстравагантными идеями барона д'Альгейма. Но при всех переменах круг его ценностей, его связи, увлечения – все совпадало с интересами ближайшего культурного окружения – окружения, родственного Соловьёву, но подчас им же и проклинаемого.

После смерти родителей тепло домашнего очага Сергей Соловьёв обрел в семье Венкстернов. С Володей Венкстерном⁶ он учился вместе в гимназии; Ольга Егоровна Венкстерн, урожденная Гиацинтова, была сестрой преподавателя Поливановской гимназии Владимира Егоровича Гиацинтова – школьного кумира Сергея Соловьёва. Эти семьи – Венкстернов и Гиацинтовых – надолго стали для него родными.

Правда, у Венкстернов Сергей Соловьёв «болезненно ощущал полное отсутствие церковно-русской культуры»⁷, но это окупалось сердечностью, отзывчивостью и культурой, замешанной на Пушкине и Чаадаеве. Главное же – здесь его ждала свежая атмосфера общения с ровесниками и ровесницами, в то время как среди «аргонавтов» и родственников он всегда был младшим:

Как часто – страстный проповедник –
Взлетал я словом в небеса,
А гимназический передник
И золотистая коса
Мне были всех небес дороже;
Но тем безжалостней и строже
Я был к соблазнам и грехам
И к эротическим стихам.
Авторитеты обесценив,
Твердил я барышням часы,
Что «Правда» хуже, чем «Весы»,
Что Брюсов лучше, чем Тургенев,
И губки цвета алых лент
Мне говорили: декадент!⁸

На первых курсах университета Соловьёв увлекается «народничеством», которое, в его толковании, к политике имеет весьма косвенное отношение и, совсем уж непостижимым образом, соединяется со старой любовью – античностью. Он даже посватался к крестьянке из соседнего с Дедовом села Надовражино – Елене и вернулся, как пишет Белый, «skonфуженно, струсивши: можно ль теперь на попятную? Вдруг и Еленка лишь образ, рождаемый пеной; Елена Прекрасная – греческий миф; а он Грецией бредил; и бредил народом; соединял миф Эллады с творимой легендой о русском крестьянине; видел в цветных сарафанах, в присядке под звуки гармоники – пляс на полях Елисейских; бывало: орехом кто щелкнул – вкушенье оливок; а в стаде узрел “цветоядных” коров; и о бабьем лице, том, которое “писаной миской”; он выразился: “мирро уст”; даже в

дудочке слышалась флейта ему; сочетав миф с эсерством (“земля для народа”; “долой власть помещиков”), он пожелал омужичиться; “барина” сбросить, женясь на крестьянке»⁹.

Впрочем, наиболее прочным романтическим чувством за годы обучения в университете оказался причудливый, в основном – сочиненный самим Соловьевым, восторг перед Сонечкой Гиацинтовой (дочерью уже упоминавшегося Владимира Егоровича Гиацинтова и Елизаветы Алексеевны, урожденной Венкстерн). История отношений с Сергеем Соловьевым запечатлена в мемуарах самой Софьей Владимировной семьдесят лет спустя¹⁰. Ее воспоминания совпадают с тем, как описывали этот роман посторонние свидетели: «Сереза любил, выдумал меня, еще когда я была девочкой. <... > Любовь ко мне он сделал смыслом своей жизни, его стихи обо мне составляли тома. Я представляла в них розой и вакханкой, китайкой и Венерой, великой артисткой и роковой женщиной. Все это не имело ко мне ни малейшего отношения – я была просто хорошенькой гимназисткой, а потом начинающей девочкой-артисткой, занятой в массовых сценах и ничего не понимающей про любовь. <... > Поэтому, когда он внушал мне, что Бог нас создал друг для друга, что на небесах наш брак предрешен, – я верила»¹¹.

Гиацинтова составила и лучший портрет Соловьева тех лет: «Я его помню гимназистом, потом студентом университета – добрым, с открытой душой, образованным и остроумным. Свойственная его личности дисгармония тогда казалась чисто внешней – внутренняя проявилась позже. Сереза был хорош собой, но что-то тревожило в его красоте – думаю, какое-то несоответствие между лбом мыслителя под курчавой шапкой волос, огромными, что называется, “бездонными” серыми глазами с внимательным, поэтически-нежным взглядом и неожиданно грубым, жадным ртом. При этом все лицо не совпадало с фигурой, довольно высокой, склонной к полноте и неуклюжей, а с ней в свою очередь не гармонировали нервные, порывистые движения»¹².

Конечно, Гиацинтова не могла понять, чем жил тогда ее поклонник. Мир Сергея Соловьева был для нее миром взрослых, миром загадочным: «Гимназистками последних классов, мы, несмотря на мамино недовольство, бывали у Серези, когда там собирались литераторы. <... > Среди Серезиных гостей постоянно возникали «идейные» скандалы с проклятиями друг другу, тут же оборачивавшиеся “союзом до гроба”; – сложность отношений в этом обществе меня пугала. Садовский, Кобылинский (он же Эллис), Нилендер – все курили, спорили, нервно ходили по комнате, но дружно признавали своим учителем и кормчим Валерия Яковлевича Брюсова, тоже бывавшего у Соловьева»¹³.

Другой стороной жизни – кроме «народничества» и любовных увлечений – оставалась для Соловьева поэзия, или точнее, литература. Первая публикация его стихов была осуществлена в 1905 году в альманахе «Северные цветы ассирийские», поместившем на своих страницах поэтический цикл Сергея Соловьева «Предания»¹⁴. Эти и другие его стихотворения – слишком ученические, слишком подражательные – не стали событием, не вошли в поэтические анналы. Кроме того, язык Соловьева был чужд всем современным ему школам своей классичностью, четкостью, «сделанностью», ориентированием на античную поэзию

и поэзию XVIII века (разумеется, французскую). Если и говорить о современниках, ближе всего по форме и, отчасти, по духу он стоял к Брюсову – и коль уж поэзия мэтра в исторической перспективе кажется сухой и выцветшей, то что говорить о стихах его ученика. Лишь отдельные стихотворения Соловьёва завоевали некогда прочную популярность, войдя в хрестоматии для декламаторов. Это, прежде всего, стихи на евангельские темы, в которых классичность языка и стиля оказалась как раз достоинством: «Вечеря», «Отречение», «Мария Магдалина», «Ангел и мироносицы».

Но тогда, на короткое время, стихам Соловьёва была суждена довольно счастливая судьба: они регулярно выходили и отдельными книжками, и в журналах, и в альманахах. Сегодня же заметнее стихов оказалась для нас его страстная вовлеченность в борьбу различных направлений в поэтическом мире 1906–1909 годов. Сложно понять и оценить, каково место Соловьёва в этой окололитературной круговерти; сложно потому, что позиции и поведение всех участников баталий – в том числе и его – в равной степени определялись как убеждениями и идеалами, так и личными симпатиями и связями.

Внешне столкновение различных литературных направлений вылилось в конфликт некоторых московских и петербургских изданий, в который оказались втянуты люди самых различных взглядов и идей. В те годы и поэтический, и философский ренессанс только начинался, и большая часть этих идей оставалась пока неразвитой, недодуманной, с не определенными еще оттенками. Расхождение по лагерям не всегда соответствовало лишь приверженности тем или иным взглядам; оно было преждевременным – и оттого во многом случайным из-за чрезмерного влияния привходящих моментов. Идеи развивались быстро, связи – значительно медленнее. Если бы противников взялся развести литературовед, у него получилась бы, наверное, совсем иная, обоснованная и цельная, но весьма далекая от жизни картина распределения по партиям.

В теории, главное разделение литературного мирка определялось отношением к религиозной проблематике. Декаденты, «старые» символисты – в первую очередь В. Брюсов – стояли за «чистое» искусство, провозглашали независимость художника и от общественного, и от религиозного, и от нравственного влияния; на практике это часто вело к сомнительного свойства вывертам. Символисты младшего поколения – Вяч. Иванов, А. Белый – видели в искусстве путь к религиозным истинам. Примерно этого же направления придерживались Д. Мережковский и его жена З. Гиппиус. Теоретически именно к такой позиции, а не к декадентству Бальмонта или Брюсова тяготел Соловьёв.

Второе, так называемое младосимволистское, течение соединяло поэтическое возрождение с религиозно-философским. Но внутри него были свои – и достаточно крупные – расхождения. Резко выделялись Мережковские, ратовавшие за синтез «нового религиозного сознания»: речь шла о слиянии христианских идей с нерелигиозными культурными достижениями Нового времени. Мережковские, однако, ставили подчас христианство в один плюралистический ряд и с внехристианскими религиозными идеями. Очень удачный карикатурный монолог вложил в уста четы Мережковских Сергей Соловьёв в шуточном стихотворении «Козловак»:

Христос! Увы! Ужасно стар ты!
Мы отвергаем аскетизм
И возглашаем культ Астарты,
Или (точнее) оскопизм.
К чему посты, к чему вериги?
Мы перешли святую грань,
Пускай Волынский нам из Риги
Послал приветственную брань.
Святые сделались плохи нам:
Что Златоуст, что Метафраст?
Здесь разрешают все грехи нам.
Грешите, кто во что горазд¹⁵.

Другой проблемой стало в эти годы соотношение индивидуального и соборного в религиозном сознании и в творчестве. К истокам идеи соборности (речь идет о развитии идеи в Новое время) имели отношение еще А. Хомяков и другие славянофилы. Благодаря Вл. Соловьеву эта идея стала одной из ключевых в религиозно-философском ренессансе. Из поэтов-символистов идею соборности первым выдвинул Вяч. Иванов. В статье «Кризис индивидуализма» он заявил, что, несмотря на индивидуализм современности, «какой-то переворот совершился в нашей душе, какой-то еще темный поворот к полюсу соборности»¹⁶. Надежду на торжество в религиозном сознании идеи соборности Вяч. Иванов связывал прежде всего с Россией. «По его мнению, – говорится в очерке К.М. Азадовского и Д.Е. Максимова, посвященном журналу “Весы”, – Россия стояла на пороге возникновения всенародной, религиозной, “органической” культуры. Путь искусства, согласно Иванову, – в его движении от индивидуализма и субъективизма к национальной почве, к религиозно понимаемой народности»¹⁷. Идеи Вяч. Иванова были вульгаризированы и превращены в теорию «мистического анархизма» Г. Чулковым¹⁸ – и на какое-то время вокруг этого довольно расплывчатого понятия-ярлыка объединился целый ряд петербургских литераторов: М. Гофман, создавший теорию «соборного индивидуализма», А. Мейер и др. Там же, в Петербурге, в 1906–1908 годах выходил альманах «Факелы», в котором под знаменем Чулкова выступали и его явные сторонники, и нейтральные авторы, в частности А. Блок, всячески отрицавший свою причастность к «мистико-анархистам».

Идея «соборности» в символистском выражении была, конечно, достаточно аморфной, но все же она перекликалась с религиозно-философскими исканиями эпохи. Сергей Соловьев в этот период от исканий такого рода оказался достаточно далек, иначе он, скорее всего, поддержал бы «соборность» – созвучную наследию Вл. Соловьева. Идеино Сергей Соловьев был в стороне от начавшего кампанию «Весов» против «мистического анархизма» триумvirата Брюсова, Белого, Эллиса. Брюсов оставался для него кумиром исключительно в поэтическом ремесле, но «декадентский» характер его поэзии был для Соловьева неприемлем. Белый, увлекавшийся Ницше, в эти годы испытывал интерес также к Канту и Риккертю – все эти философы были чужды Соловьеву. Сам Белый писал: «Мы шли вместе годами – не в догме, не в оформлении, не

в рабочей гипотезе, а в музыкальной *теме*; и теперь [1920-е гг. – М.С.] будучи с С.М. Соловьёвым в оформлении столь же противоположны, как *зенит* и *надир*, мы продолжаем в “теме”, в “мелодии” слышать друг друга»¹⁹. К Эллису Соловьёв испытывал давнишнюю неприязнь – за «декадентство» же, причем самого фанатичного толка: «Кобылинский [фамилия Эллиса. – М.С.] зачитывался Шопенгауэром, Ницше и Бодлером, писал стихи в духе Гейне, постоянно говорил цинизмы и хулиганил»²⁰.

Выступить вместе с теми, с кем внутренняя связь была крайне слаба, Соловьёва заставили причины второстепенные. В первую очередь, видимо, следует назвать традиционную взаимную неприязнь «москвичей» и «петербуржцев». Огромную роль сыграли личная дружба с Белым, сохранившаяся враждебность к Блоку (пусть истоки этой враждебности были уже забыты – иначе на тех же основаниях неминуемо последовал бы разрыв и с Белым, и с Брюсовым) и готовность к единению с Белым в противостоянии Блоку и Чулкову – противостоянии, порождаемом, конечно, не только идейными соображениями, но и проблемами личных взаимоотношений, о которых нужно сказать хотя бы вкратце.

Соловьёв порвал с Блоком летом 1905 года, Белый же сохранил с последним близкие отношения. Более того, если Соловьёв во времена «аргонавтических» поисков Софии «создал почву», устраняющую «Л.<юбовь> Д.<митриевну> [Блок. – М.С.], превратив ее в символ, в жену мирового поэта, в инспиратрису его: в знак “зори”», то после «резкого отчуждения С.М., Л.Д. вдвинулась в наше общение с А.А., не была уже фоном», – писал А. Белый²¹. Превращение жены Блока в «живого человека» повлекло за собой увлечение ею Белого весной 1906 года, кончившееся, впрочем, разрывом Белого с Блоками и отъездом его за границу. Еще позднее – в 1907 году – у Любви Дмитриевны завязался роман с Г.И. Чулковым; в то же время сам Блок переживал увлечение актрисой Н.Н. Волоховой. Когда Белый в начале 1907 года вернулся в Россию, фактический распад союза Блоков, благосклонность Любви Дмитриевны к Чулкову он воспринял как личное оскорбление (собственно, ради сохранения этого союза он и уезжал: по договоренности с ними, в значительной мере по их настоянию, по их собственной потребности восстановить душевное равновесие). Пожалуй, именно его недоброжелательное отношение к Блоку и Чулкову питало журнальную полемику. В. Брюсов внутренне уже перерос «Весы», был «мэтром», и потому в самые критические моменты не рвал отношений с равными ему – Вяч. Ивановым и А. Блоком. О себе же А. Белый впоследствии писал: «”Личные” переживания, неправильно перенесенные на арену борьбы, путали, превращая даже справедливые нападки на враждебные нам течения в недопустимые резкости»²².

Против Чулкова выступал и Сергей Соловьёв, правда, еще до начала упоминаемой полемики – в 1905 году²³. Чулков опубликовал статью, в которой, говоря о Вл. Соловьёве, в общем характеризовал покойного философа как «монаха-поэта»²⁴. На это Сергей Соловьёв резко и вполне обоснованно заявил, что «в стихах Соловьёва поэзия жизни празднует свою победу»²⁵. Ответная статья его, однако, интересна еще неожиданной попыткой указать на непрерывность религиозного развития древнего мира и, в частности, на сопряженность античного язычества и христианства. «В целом ряде произведений

искусства, – пишет Сергей Соловьев, – древний мир шел ко вмещению евангельской истины воплощения Бога. <...> Языческому миру не суждено было освободить природу от оков ада, Орфею – вывести Эвридику из Эреба; но новый Орфей, Христос, пройдя сквозь горнило Голгофы, являет светлое утро Воскресения, созидавая плоть свою в красоте и бессмертии. <...> Таким образом, христианство не противоположно язычеству, но развивается из него, преобразая и освящая язычество»²⁶. Отвергая попытки В.В. Розанова объединить христианство с языческим культом плоти, Соловьев утверждал: «Истинное христианство равно чуждо и естественному пути грубого язычества, и противоестественному пути аскетизма. Побеждая закон природы, христианство ведет нас к сверхъестественной жизни»²⁷. Эти тезисы помогают понять, что вдохновляло Сергея Соловьева на многолетнее, профессионально-кропотливое изучение античной литературы в университете. К сожалению, в годы, о которых идет речь, «высокие» рассуждения о христианстве оставались для Соловьева всего лишь рассуждениями. От живой плоти церковной жизни он был далек; конкретные проявления «духовной телесности» христианства Соловьев увидел, например, в танцах Дункан. «В ее танце, – писал он в том же 1905 году, – форма окончательно одолевает косность материи, и каждое движение ее тела есть воплощение духовного акта. Она, просветленная и радостная, каждым жестом стряхивала с себя путы хаоса, и ее тело казалось необыкновенным, безгрешным и чистым»²⁸. Одновременно Соловьев писал Блоку: «Я всю жизнь обожал Пушкина, а разве можно совместить это с духовной академией и мистиками, ведущими порядочный образ жизни! <...> Мне Розанов враг заклятый, но и Эрн не друг. <...> Теперь я считаю, что понимание христианства возможно до конца только сквозь сладострастие. И только потому, что в нем пламенеет сладострастие виноградных гроздьев, оно учение вечное, религия будущего. Но довольно одной черточки, и правда искажается и вместо неба – черная дыра»²⁹. На деле в юношеском сумбуре слишком часто мелькали «черточки» такого рода. Соловьев был еще очень далек от осмысления своего призвания как христианина, оставаясь втянутым в пеструю идеологическую и литературную жизнь. Эмоционально античность была ему, безусловно, ближе, чем христианство, о своем пути он мыслил не христианскими образами. Когда в письме Софье Гиацинтовой Сергей Соловьев писал: «Я начинаю просыпаться от огрубения, варварства, мистицизма и декадентства. Ты вернула меня в твой изящный и прекрасный мир»³⁰, – он имел в виду какой угодно мир, но не мир евангельский.

Наиболее ожесточенно напал Соловьев на Блока³¹. Впрочем, в их схватке удар Блока был первым – им стал отзыв на сборник стихотворений Соловьева «Цветы и ладан» с суровым приговором: «Все те немногие стихотворения, где есть истинная поэзия, пахнут ладаном, запаха же цветов во всей книге Сергея Соловьева нет ни малейшего»³². Ответ Соловьева носил подчеркнуто памфлетное название: «Г. Блок о земледелях, долгобородых арийцах, паре пива, обо мне и о многом другом»³³. Поэзию Блока Соловьев обозвал «несвязным лепетом и бредом»; главный упрек по-прежнему адресовывался поэту, изменившему Прекрасной Даме: «Несостоятельность Блока в роли мистического проро-

ка, рыцаря Мадонны за последнее время достаточно выяснилась. Не более удачно играет он роль стихийного гения. Что общего со стихийным титанизмом имеет г. Блок, пересадивший на русскую почву хилые, чахоточные цветы декадентства, создатель бесплотных и бескровных призраков в стиле Мориса Денниса и Метерлинка»³⁴. Далее, в августе 1908 года, Блок в статье «Письма о поэзии» ответно высмеял книгу Соловьёва и вообще «Весы». Н.В. Котрелев и А.В. Лавров – авторы статьи о взаимоотношениях Блока и Соловьёва – пишут: «Отказавшись от подробного анализа книги Соловьёва, Блок дал ей совершенно издевательскую характеристику»³⁵. В своих резких – часто необоснованно – выступлениях, продиктованных полемическим запалом, неправы были тогда оба противника. И весьма далека от истины трактовка происшедшего Корнеем Чуковским, считавшим, что Блок впервые познакомился со стихами Сергея Соловьёва лишь после выхода «Цветов и ладана» в свет: «Блок тогда же напечатал в журнальной статье, что Сергей Соловьёв не поэт, а всего только бойкий, бездушный ремесленник, пустой и забубённый рифмач. Вся статья была проникнута тем жестоким презрением, с каким Александр Александрович относился ко всяческой фальши.

Взбешенный Сергей Соловьёв ответил ему градом ругательств, но это не смутило поэта: наживать новых и новых врагов за свою “бестактную” и “неуместную” правду – правду, которая колет глаза, – стало с юности его нравственным долгом»³⁶.

Блок знал стихи Сергея Соловьёва и до публикаций и в годы дружбы с автором давал им высокую оценку (не случайно стихи последнего навсегда остались на страницах поэтической тетради юного Блока). Лишь став врагами, друзья начали «колоть» друг друга «правдой».

Много лет спустя, в 1921 году, отвечая Белому на сообщение о смерти Блока, Соловьёв вспоминал: «С одной стороны, мы с тобой были бесконечно правы, когда среди общей слепоты кричали о “блокизме”. Но с другой стороны, мы были неправы, мы вели себя, как дети, и не стояли на достаточно духовной высоте, чтобы успешно бороться с блоковским демонизмом. Мы бывали несправедливы к Блоку. Мы не верили в искренность его “снежных костров”»³⁷.

В 1908 году полемика все же завершилась – рецензией Соловьёва на третий сборник Блока «Земля в снегу», более сдержанной по тону, но не менее категоричной по содержанию: «Замкнутая в узкий круг субъективных переживаний, муза Блока не видит жизни с ее сложностью и многообразием. Здесь – оригинальность Блока, здесь – его сила. И здесь же осуждение перед лицом объективного искусства»³⁸.

Жестко выступал Соловьёв и против других писателей, участвовавших в чулковском альманахе, хотя отнюдь не разделявших идей «мистического анархизма», – И. Бунина и С. Городецкого. Отзывы Сергея Соловьёва на публикации их произведений были резки и неоправданны; Бунин упоминает, что позднее получил от Соловьёва письмо, в котором тот извинялся за написанное прежде и добавлял, что писал «под диктовку».

Еще в марте 1907 года, до начала полемики с Чулковым, Сергей Соловьёв писал: «Чувствую глубокое раскаяние в том, что участвовал эту зиму в декадентских журналах. С Гоморрой и Содомом нельзя шутить безнаказанно»³⁹. «Шутки», однако, продолжались, приведя Соловьёва в 1908–1909 годах к увлечению –

пусть весьма поверхностному – нищестанством, Бодлером, да и античным язычеством в виде, уже мало соединимом с христианством. Достаточно характерно для этого периода стихотворение «Венера и Анхиз»:

Охотник задержал нетерпеливый бег,
Внезапно позабыв о луке и олене.
Суля усталому пленительный ночлег,
Богиня ждет на ложе томной лени.

Под поцелуями горят ее колени,
Как роза, нежные и белые, как снег.
Струится с пояса источник вождлений,
Лобзаний золотых и потаенных нег.

Свивая с круглых плеч пурпуровую ризу,
Киприда падает в объятия Анхизу,
Ее объявшему, как цепкая лоза.
И, плача от любви, с безумными мольбами,
Он жмет ее уста горящими губами,
Ее дыханье пьет и смотрит ей в глаза⁴⁰.

Увлекается Соловьев, видимо, и дотоле совершенно чуждыми ему идеями западного декаданса. В плане «Воспоминаний» под 1908 годом он пометил: «Пребывание в “Доме песни” д’Альгеймов». Характеристику Пьера и Марии (Олениной) д’Альгейм мы находим и в самих «Воспоминаниях»: «Дальгейм* был французский писатель, с резко выраженным мистическим уклоном, одновременно занимавшийся индусами, Сведенборгом, Ронсаром и его плеядой и нашим Мусоргским. Человек этот имел большое влияние на мою жизнь, но это произошло значительно позже, уже в университетские годы. <...> Боря Бугаев и Алексей Сергеевич Петровский были совершенно очарованы пением <М. А.> Дальгейм, и Боря напечатал статью, где называл ее “голубой птицей вечности”. Из разговоров за нашим столом я узнавал, что барон Дальгейм ведет бесконечные разговоры на темы теософии и искусства, строит схемы и делает чертежи, которые приводили в восторг Борю. Мария Алексеевна многих разочаровывала при первом знакомстве, находили, что она слишком проста, не хочет или не умеет вести умных разговоров, говорит о котках и т. д. Но это-то и было признаком глубокого таланта, подлинной творческой силы, которой был лишен барон Дальгейм, тонко, хотя иногда чудовищно-односторонне оценивавший чужое творчество и раскрывавший своей жене ее собственную суть и произведения. Брак Дальгеймов был исключительным, идеальным браком, где муж и жена вызывают на свет все скрытые и высшие силы, заложенные в другом; барон Дальгейм без Марии Алексеевны был бы только теоретиком искусства и блестящим стилистом; Мария Алексеевна без Дальгейма была бы только заурядной камерной певицей»⁴¹.

---

* Так у Сергея Соловьева; правильно – д’Альгейм.

При всей близости к Белому, Соловьев никогда не разделял его увлечения теософией, и в пении д'Альгейм он ощущал одно время «что-то взвинченное и нездоровое»⁴². Что привлекло Соловьева к «Дому песни» четы д'Альгейм, неизвестно. Скоро он уже расценивал влияние д'Альгейма как отрицательное. Так, в августе 1909 года Сергей Соловьев писал в стихотворении, посвященном В.А. Венкстерну:

Я в общий омут был затянут,
 Был опрокинут, был обманут
 В моем незрелом мятеже⁴³.

Слова эти, возможно, относятся не только к д'Альгейму, но и ко всей упоминавшейся околосредоточенной суете. Как бы то ни было, Соловьев пытался переломить себя, жизнь уже требовала такой ломки и избрания четкого пути.

В 1909 году Сергей Соловьев начал ощущать преждевременность, ложную направленность и бесплодность своей литературной активности. К этому времени угасла полемика с «мистическим анархизмом», ее участники на новых ступенях жизни оказывались рядом с бывшими врагами и далеко от бывших друзей. Распался тактический триумвират Брюсова, Белого, Эллиса; угасли «Весы». Соловьев отходит от журналистики и публицистики. В 1910 году он, и Белый примирились с Блоком, который, в свою очередь, вновь повернулся к религиозно-теургическому символизму.

В каком-то смысле завершающей для этого периода является статья Сергея Соловьева «Символизм и декадентство», написанная примерно в то же время, в апреле 1909 года, и опубликованная в одном из последних номеров «Весов». В ней четко сформулирована сущность декадентства («стремление либо “подновить классиков”, либо “стать поэтами современности преходящего исторического момента”») и символизма («временное существует для поэта только как символ вечного»). И в этой же статье признана практическая неудача символизма: «Символические начинания нашей эпохи смываются потоком ремесленной стилизации, коммерческого эротизма, наконец, возрожденного народничества со всем его кричащим безвкусием... Философия сводится к коллекциям мозговых фокусов. Религиозная мысль тонет в бесплодных попытках связать веру с наукой, религию с общественностью... Теперь наша поэзия так же далека от своего назначения быть поэзией преображенной земли, как наша общественность далека от назначения быть общественностью правильно возделанной земли: нива вспахана и ждет сеятеля»⁴⁴.

Выход из тупика не мог быть простым.

Примечания

ОТ АВТОРА

¹ Абрикосова Анна Ивановна (в монашестве – Екатерина) (1882–1936) – основательница Доминиканской общины восточного обряда в Москве. Арестована органами ОГПУ в ноябре 1923 года; умерла в Бутырской тюрьме.

² Городец Вера Львовна (сестра Стефания) (1893–1974) – монахиня Доминиканского ордена, входила в общину, руководимую матерью Екатериной Абрикосовой. Первый раз была арестована 10 марта 1924 года, пребывала в ссылке с 19 мая 1924 по 9 мая 1930 года. Входила в группу монахинь-доминиканок восточного обряда, живших в Малоярославце. Второй раз арестована по постановлению Особого совещания при МГБ СССР 17 августа 1949 года. В 1956 году Военным трибуналом Московского военного округа дело было пересмотрено и прекращено «за отсутствием состава преступления». Впоследствии реабилитирована. Скончалась 25 мая 1974 года и похоронена на Хованском кладбище в Москве.

³ Автограф воспоминаний хранится в архиве автора книги. Позднее мною был записан на магнитофон расширенный вариант воспоминаний Н. Рубашовой о Соловьеве; эти воспоминания и личные ее впечатления от встреч с отцом Сергием используются в настоящей книге.

⁴ Рубашова Нора Николаевна (в монашестве – сестра Екатерина) умерла 12 мая 1987 года и похоронена на Хованском кладбище в Москве.

⁵ Автограф стихотворения хранится в архиве автора книги.

⁶ Венгер Антоний, иеромонах. Материалы к биографии С.М. Соловьева // Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 9.

⁷ «<...> На о. Сергия подействовало угнетающе то, что один из его любимых прихожан, которого он очень ценил, оказался тайным сотрудником ГПУ. Он понял это из допроса на следствии». (Василий, диакон. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. Рим, 1966. С. 613).

⁸ Вот один пример: «Его жена восприняла новую идеологию, развелась, вторично вышла замуж и, узнав о несчастье, постигшем отца Сергия, пришла жить в комнату, которую он занимал с двумя дочерьми, и привела с собой двух мальчиков от нового брака. Второй муж увлекается охотой и ничего не зарабатывает. Чтобы свести концы с концами, продали за бесценок рукописи великого мыслителя Вл. С. Соловьева» (Венгер Антоний, иеромонах. Указ. соч. С. 11). По сообщениям родственников Сергея Соловьева, а также других лиц, знавших его после развода, Татьяна Тургенева никогда не проживала со своей новой семьей в доме бывшего мужа. Второй муж Татьяны Алексеевны – Гурий Евплович Амитиров, выпускник Варшавского университета, – с 1920-х годов и всю дальнейшую жизнь учительствовал, став впоследствии Заслуженным учителем РСФСР. Ко времени ареста и после выписки из психиатрической лечебницы Соловьев жил в 7-м Ростовском переулке вместе со старшей дочерью, ставшей, когда он психически заболел, его официальным опекуном. Факт продажи рукописей Владимира Соловьева отрицают обе дочери Сергея Михайловича. К тому же вряд ли в 30-е годы эти рукописи могли представлять очень большую ценность для советских архивов.

⁹ В публикации стихотворений Сергея Соловьева в журнале «Простор» (№ 11 за 1993 год) автор ее, В.Э. Молодяков, пишет, что в 1926 году, став вице-экзархом русских католиков, Сергей Соловьев был посвящен в епископский сан. То же самое утверждает и автор другой публикации стихов Соловьева И. Вишневецкий (Неизданный мистический цикл С.М. Соловьева [Предисл. к публ.] // Символ. Париж, 1993. № 29. С. 242). Он указывает, что отец Сергей, «посвященный в епископы монсеньером д'Эрбиньи, становится вице-экзархом католиков греко-российского обряда». Многие исследователи творчества С.М. Соловьева забывают, что в церковной практике должность экзарха, или вице-экзарха, не обязательно епископская, ее может занимать и священник.

¹⁰ Из архива Н.С. Соловьевой. Публикуется по сделанной ею рукописной копии, предоставленной в распоряжение автора.

¹¹ Чтобы не быть голословным, приведу высказывания самой Н.С. Соловьевой из ее воспоминаний об отце, в которых она дает оценку своему юношескому отношению к религии: «Я ... считалась “заблудшей овечкой”, потому что мое воображение было захвачено “Коммунистическим манифестом” (“Призрак бродит по Европе...”), логикой “Капитала” Маркса, сходными по своей стилистике с катехизисом “Вопросами ленинизма”. Отец никогда не пытался

разубедить меня, на дерзкое заявление “меня вполне устраивает материализм” отвечал: “Это у тебя от молодости!”. (Соловьев С. Над пустыней мертвого песка... / публ. и вступ. ст. Н.С. Соловьевой // Наше наследие. 1993. № 27. С. 64).

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СЕМЬЯ

¹ Соловьев С.М. Воспоминания / машинопись. С. 3. Несколько глав опубликовано в журнале «Новый мир» (см.: Соловьев С.М. Детство: Главы из воспоминаний / вступ. ст. и публ. Н.С. Соловьевой; подгот. текста и примеч. А.М. Кузнецова // Новый мир. 1993. № 8. С. 178–205).

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ Соловьев С.М. Предисловие к письмам О.М. Соловьевой / машинопись. С. 7. Не опубликовано.

¹¹ Соловьев С.М. Воспоминания... С. 47.

¹² Там же. С. 50.

¹³ См.: Гиацинтова С. С памятью наедине. М., 1989. С. 446. В своей книге С.В. Гиацинтова упоминает томик стихов Фета с рисунками О.М. Соловьевой и надписью поэта.

¹⁴ Белый А. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 413–415.

II. ДЕТСТВО, ГИМНАЗИЯ: 1885–1903

¹ Соловьев С.М. Воспоминания / машинопись. С. 55.

² Белый А. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 415–416.

³ Соловьев С.М. Воспоминания... С. 59–60.

⁴ Там же. С. 101–102.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Там же. С. 72.

⁸ Там же. С. 120.

⁹ Там же. С. 129.

¹⁰ Там же. С. 130.

¹¹ Там же. С. 160.

¹² Там же. С. 127.

¹³ Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 341.

¹⁴ Соловьев С.М. Воспоминания... С. 163.

¹⁵ Там же. С. 176.

¹⁶ Там же. С. 212–213.

¹⁷ Там же. С. 213.

¹⁸ Там же. С. 213.

¹⁹ Там же. С. 232 – 233.

²⁰ О встречах Сергея Соловьева с Машей Шепелевой сообщала его мать О.М. Соловьева А.А. Кублицкой-Пиоттук – своей двоюродной сестре – в письме от 31 декабря 1902 года: «Есть одна очень юная девица, которая запретила ему встречать ее на улице и гулять с ней, потому что за это может достаться от бабушки. И вот Сергей достал шубу и шапку батюшки Маркова – этот батюшка Марков – протопресвитер Успенского собора [семьи Соловьевых и Бугаевых были прихожанами Троице-Арбатской церкви в Москве, настоятелем которой ранее

являлся протоиерей В.С. Марков. – М.С.], – и, привесив себе большую бороду, пошел провожать свою даму в виде необыкновенно почтенного священника. Все это было среди бела дня, и предприятие было рискованное, но удалось великолепно».

Позднее, 2 сентября 1906 года, Сергей Соловьев писал А. Белому: «Мария Дм. <итриевна> Шепелева выходит замуж за соседа помещика Нефедова, о котором иронически говорила мне два года назад. Вероятно, выходит из-за денег, ибо у них пожары и погромы, и доход с имения уменьшается. Узнав о М<арии> Д<митриевне> я мгновенно впал в транс ...» (цит. по: Александр Блок: Новые материалы и исследования // Литературное наследство. М., 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 333).

²¹ Соловьев С.М. Воспоминания... С. 249.

²² Соловьев С.М. Письмо Т.А. Тургеневой от 01.05.1912. Не опубликовано, из частного архива. (В дальнейшем все письма без указания архивного шифра относятся к частным архивам. Копии цитируемых писем находятся в архиве автора книги; оригиналы же этих писем хранились в архиве ныне покойной Н.С. Соловьевой и в семейном архиве также умершего несколько лет назад Ю.Г. Амитирова-Тургенева, сына Т.А. Тургеневой от второго брака. Местонахождение данных архивов в настоящее время автору неизвестно.)

²³ Соловьев С. М. Воспоминания... С. 334.

²⁴ Там же. С. 209.

²⁵ О трагических подробностях, связанных со смертью родителей Сергея Соловьева, свидетельствует датированное февралем 1903 года письмо С.Н. Трубецкого к брату, Е.Н. Трубецкому. В этом письме можно найти и ряд интересных замечаний о юном Сергее Соловьеве, а также весьма уважительный отзыв о его поведении после произошедшего (что несколько противоречит собственному восприятию Соловьевым своих чувств в те дни): «<...> Михаил Сергеевич Соловьев скончался в несколько дней от крупозного воспаления легкого, а жена его, Ольга Михайловна, застрелилась через две минуты после его смерти. Все это произошло в четверг, в день рождения В. С. Соловьева, в 3 часа утра. <...> Сережа Соловьев, сын Михаила Сергеевича, спал у тетки Поповой. Надо было принять немедленно меры, чтобы до его возвращения домой все покончить с полицией. Все это было устроено, но я ничего кошмарнее не видывал. Мальчику 17 лет, но он не по годам развит, хотя хрупкий и болезненный. Товарищи и друзья его все студенты, а он в VII классе. У него были идеальные отношения с родителями, особенно с отцом, с которым он жил одной духовной жизнью. Мать также он горячо любил. Во многом он очень напоминает Вл.<адимира> Сергеевича <Соловьева> – он мог бы быть его сыном. <...> Мальчик глубоко религиозный, мистик, несет свое горе с поразительной твердостью и верой и говорит про мать, что ей простится многое за то, что она возлюбила много <...>». – Письмо С.Н. Трубецкого Е.Н. Трубецкому, февраль 1903 года (РГАЛИ. Ф. 503. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 283).

²⁶ Соловьев С.М. Воспоминания... С. 387.

III. АРГОНАВТЫ

¹ См. подробнее статью: *Лавров А.В.* Мифотворчество аргонатов // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 137.

² Александр Блок и Андрей Белый: Переписка. М., 1940. Цит. по: Лавров А.В. Мифотворчество... / указ. соч. С. 137.

³ Белый А. Воспоминания о Блоке // Эпопея. М.; Берлин, 1922. № 1. Цит. по: Лавров А.В. Мифотворчество... / указ. соч. С. 139.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 139. «Кроме того, – отмечает А.В. Лавров, – каждый из “аргонатов” создавал вокруг себя своего рода поле влияния, делающее в конечном счете неустановимой границу между “посвященными” и “непосвященными”».

⁷ Там же. С. 144.

- ⁸ Там же. С. 146. «Почти у всех членов нашего кружка с аргонавтическим налетом были ужасы – сначала мистические, потом психические и, наконец, реальные», – утверждал, в свою очередь, А. Белый в письме к Э.К. Метнеру. Цит. по: Лавров А.В. Мифотворчество... / указ. соч. С. 146.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 162.
- ¹¹ Там же.
- ¹² «Желая поговорить со мною на интересующую меня тему, – пишет Сергей Соловьёв в мемуарном очерке о Блоке, – он завел речь о богослужении. Предложил отслужить вместе утреннюю литургию в саду и достал откуда-то подобие ораля. Утром жители Шахматова были неожиданно разбужены довольно странными возгласами, доносившимися из сада» (Соловьёв С.М. Воспоминания об Александре Блоке (1921) // Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 10). «Заслуживает внимания ... согласие шестнадцатилетнего Блока играть в такую, вероятно, весьма необычную и по тем временам игру с десятилетним мальчиком» (цит. по: Котрелев Н.В., Лавров А.В. Переписка А. Блока с С. Соловьёвым (1896–1915) // Литературное наследство. М., 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 322).
- ¹³ Соловьёв С.М. Воспоминания об Александре Блоке // Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 23.
- ¹⁴ Белый А. Начало века. М., 1990. С. 320–321.
- ¹⁵ Александр Блок: Новые материалы и исследования // Литературное наследство. М., 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 311.
- ¹⁶ Там же. С. 339. См. также: Блоковский сборник. XV. Тарту, 2000.
- ¹⁷ Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр. М., 1968. С. 75.
- ¹⁸ Цит. по: Лавров А.В. Мифотворчество... / указ. соч. С. 152.
- ¹⁹ Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр. М., 1968. С. 84.
- ²⁰ Александр Блок: Новые материалы и исследования... С. 346.
- ²¹ Соловьёв С.М. Воспоминания... С. 332.
- ²² Там же. С. 322 – 333.
- ²³ Белый А. О Блоке. М.: Автограф, 1997. С. 77.
- ²⁴ Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 12.
- ²⁵ Александр Блок: Новые материалы и исследования... С. 312.
- ²⁶ Там же. С. 327.
- ²⁷ Соловьёв С.М. Воспоминания... С. 335–336.
- ²⁸ Из частного архива.
- ²⁹ Соловьёв С.М. Письмо к Рачинскому Г. А. от 01. 02. 1903 (РГАЛИ. Ф. 427 (Е.А. и Г.А. Рачинские). Он. 1. Ед. хр. 2903).
- ³⁰ Лавров А.В. Мифотворчество... / указ. соч. С. 150.
- ³¹ Александр Блок: Новые материалы и исследования... С. 347. Через год, в октябре 1904 года, в письме к Соловьёву Блок признается: «Мне продолжает быть близко и необходимо “Соловьёвское заветное”; “Теократический принцип”. Чтобы чувствовать его теперь так исключительно сильно (хотя и односторонне), как прежде, у меня нет пока огня. Кроме того, я не почувствую в нем, вероятно, никогда того, что есть специально – Христос. Но иногда подходит опять близко и напевает» (Там же. С. 381).
- ³² Соловьёв С.М. Воспоминания об Александре Блоке... С. 32.
- ³³ Там же. С. 33.
- ³⁴ См.: Путь. 1931. Февраль. № 26. С. 100–113.
- ³⁵ Белый А. Начало века... С. 344.
- ³⁶ Белый А. Между двух революций... С. 23.
- ³⁷ Там же. С. 30–31.
- ³⁸ См. об этом также: Белый А. О Блоке. С. 180–183.

IV. УНИВЕРСИТЕТ: 1904–1909

- ¹ Кроме этого, тогда же под редакцией Сергея Соловьева вышло и 5-е издание стихов Владимира Соловьева «Стихотворения Владимира Соловьева» (книга представляет собой перепечатку 4-го издания «Стихотворений Владимира Соловьева», вышедшего под редакцией М.С. Соловьева в 1901 году). (См.: Соловьев Вл. Стихотворения. Изд. 5-е / под ред. С.М. Соловьева. М., б. г.).
- ² Богословский вестник. 1916. № 2. С. 116.
- ³ 22 июля 1907 года Сергей Соловьев, уже приняв решение, писал Г.А. Рачинскому: «Я очень рад моему переходу со словесного отделения на классическое, хотя благодаря этому переходу не кончу ранее, чем через два, а то и три года» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1, М., 1980. С. 380).
- ⁴ Весной 1911 года Сергей Соловьев закончил классическое отделение историко-филологического факультета Московского университета (держал государственные экзамены в апреле – мае). С.Г. Карелина писала Александру Блоку 7 ноября того же года о Сергее Соловьеве: «Он оставлен при университете, и ему задали еще работу по подготовке к профессуре впоследствии» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1, М., 1980. С. 403).
- ⁵ По словам А. Белого, Сергей Соловьев «рассказывал ..., как он бросил Астрову в ответ на общественное значение Христа, что дело Христово бесконечно больше в танцах Дёнкан. Он все-таки вручил ей свое стихотворение по-гречески с переводом по-английски, упав на колени перед ней, за что и удостоился цветов от нее» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1, М., 1980. С. 123). Обращенное к Дункан стихотворение Соловьева см. в кн.: Сергей Соловьев. Цветы и ладан. М., 1907. С. 108–109.
- ⁶ В рукописи «Воспоминаний» Сергей Соловьев называет своего соученика по поливановской гимназии – Венкстерна – иногда Юрием, а иногда Владимиром. Планируя издание своей рукописи в 20-е годы, автор, вероятно, намеренно изменял некоторые имена и фамилии. В 1909 году Сергей Соловьев посвятил В. А. Венкстерну стихотворение, что позволяет произвести более точную атрибуцию имени.
- ⁷ Соловьев С. М. Воспоминания... С. 346.
- ⁸ Из частного архива.
- ⁹ Белый А. Между двух революций... С. 80. См. об этом также: Лавров А.В. Дарьяльский и Сергей Соловьев // Новое литературное обозрение. 1994. № 9.
- ¹⁰ См.: Гиацинтова С. С памятью наедине. М., 1989.
- ¹¹ Там же. С. 454.
- ¹² Там же. С. 446–447.
- ¹³ Там же. С. 449–450.
- ¹⁴ Поэтический цикл Сергея Соловьева «Предания» включал в себя пять стихотворений: «Иаков», «Primavera», «Дидона и Эней», «Ромео и Джульетта», «Сестре». (См.: Северные цветы ассирийские. М., 1905. С. 44–50.)
- ¹⁵ Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 267.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 268.
- ¹⁸ Там же. С. 288.
- ¹⁹ Белый А. На рубеже двух столетий... С. 360.
- ²⁰ Соловьев С.М. Воспоминания... С. 316.
- ²¹ Белый А. О Блоке... С. 213.
- ²² Белый А. Начало века... С. 424.
- ²³ Вопросы жизни. 1905. № 8. С. 230–237.
- ²⁴ Речь идет о статье: Чулков Г. Поэзия Вл. Соловьева // Вопросы жизни. 1905. № 8. С. 232–236.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 234–235.
- ²⁷ Там же. С. 236.

- ²⁸ Соловьев С.М. Айсадора Дёнка в Москве // *Весы*. 1905. № 2. С. 33–40 (подпись С.С.).
- ²⁹ Письмо С. Соловьева А. Блоку от 24 февраля 1905 года. Цит. по: Александр Блок: Новые материалы и исследования // *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 1. С. 394.
- ³⁰ Цит. по: Гиацинтова С. С памятью наедине. М., 1983. С. 457; оригинал письма находится в РГАЛИ, Ф. 2049 (С.В. Гиацинтова). Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 1; см. также: *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 1. С. 404.
- ³¹ «Если вернуться к формулировкам, употребительным в символистскую эпоху, то Блок был выразителем “дионисийского” начала, а Соловьев – “аполлонического”» (Котрелев Н.В., Лавров А.В. Переписка А. Блока с С. Соловьёвым (1896–1915) // *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 1. С. 313).
- ³² Блок А. *Собрание сочинений*: в 8 т. М.; Л., 1963. Т. 5. С. 155–156.
- ³³ Соловьев С.М. *Scutigragium*. М., 1908. С. 153–163.
- ³⁴ Цит. по: *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 1. С. 316.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Чуковский К.И. *Современники*. М., 1962. С. 470.
- ³⁷ Соловьев С.М. Письмо А. Белому от 02. 11. 1921 (РГАЛИ. Ф. 53 (А. Белый). Оп. 1. Ед. хр. 274).
- ³⁸ Цит. по: *Литературное наследство*. Т. 92. Кн. 1. С. 316.
- ³⁹ Соловьев С.М. Письмо к Г.А. Рачинскому от 21. 03. 1907 (РГАЛИ. Ф. 427 (Е.А. и Г.А. Рачинские). Оп. 1. Ед. хр. 2903).
- ⁴⁰ Из частного архива.
- ⁴¹ Соловьев С. М. *Воспоминания...* С. 367–368.
- ⁴² Там же. С. 369.
- ⁴³ Из частного архива.
- ⁴⁴ Соловьев С.М. Символизм и декадентство // *Весы*. 1909. № 5. С. 53–56.